

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХИТЕКТУРА, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И ДИЗАЙН

ARCHITECTURE, URBANISM AND DESIGN

INTERNATIONAL ELECTRONIC SCIENTIFIC JOURNAL

АРХИТЕКТУРА, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И ДИЗАЙН

№ 7/2015

Международный электронный научный журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Шестаков А. Л., доктор технических наук, профессор, ректор Южно-Уральского государственного университета

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вяткин Г. П., доктор химических наук, профессор, президент Южно-Уральского государственного университета, член-корреспондент РАН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ваулин С. Д., доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе Южно-Уральского государственного университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Шабиев С. Г., председатель редакционной коллегии, доктор архитектуры, профессор, декан факультета «Архитектура» Южно-Уральского государственного университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Зимич В. В., кандидат технических наук, доцент кафедры «Архитектура», заместитель декана по научной работе архитектурного факультета Южно-Уральского государственного университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Согрин Е. К.

КОРРЕКТОР

Бытов А. М.

ВЁРСТКА

Печенкин В. А.

WEB-РЕДАКТОР

Валиахметова Ю. Н.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

454080, г. Челябинск,
пр. им. В. И. Ленина, д. 76, ауд. 513А

E-mail: stroy-ingener@yandex.ru

Тел./факс: 8 (351) 267-98-24; 8-950-733-35-45

www.aud.susu.ac.ru

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором
Свидетельство ЭЛ № ФС77-57927 от 28.04.2014

УЧРЕДИТЕЛЬ

Южно-Уральский государственный университет

ИЗДАТЕЛЬ

архитектурный факультет Южно-Уральского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Черкасов Г. Н., доктор архитектуры, профессор кафедры «Архитектура промышленных сооружений» Московского архитектурного института (г. Москва, Россия);

Колясников В. А., доктор архитектуры, профессор кафедры «Градостроительство» Уральской государственной архитектурно-художественной академии (г. Екатеринбург, Россия);

Муксинов Р. М., доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой «Архитектура», декан факультета «Архитектура, дизайн и строительство» Кыргызско-Российского славянского университета, академик, вице-президент Академии архитектуры и строительства Республики Кыргызстан, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока (г. Бишкек, Республика Кыргызстан);

Куспаналиев Б. У., доктор архитектуры, профессор кафедры «Архитектура и дизайн» Казахского национального технического университета, директор-академик Казахского Академического центра международной академии архитектуры (г. Алматы, Республика Казахстан);

Березин Д. В., кандидат архитектуры, заведующий кафедрой «Дизайн» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия);

Сурина Л. Б., кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Дизайн и изобразительное искусство» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия);

Ахмедова А. Т., доктор архитектуры, Почетный архитектор Казахстана. Декан факультета дизайна МОК КазГАСА (Международная образовательная корпорация Казахская головная архитектурно-строительная академия) (г. Алматы, Республика Казахстан);

Сабитов А. Р., доктор архитектуры, Почетный архитектор Казахстана. Заведующий кафедрой графического дизайна МОК КазГАСА (Международная образовательная корпорация Казахская головная архитектурно-строительная академия) (г. Алматы, Республика Казахстан);

Gu Qin, Secretary General of Shanghai Society of Modern Landscape Architecture (c. Shanghai, China).

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
АРХИТЕКТУРЫ,
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
И ДИЗАЙНА**

АЛЁШИН А. Ю.
Становление архитектурного образования
Москвы в XVIII–XIX веках 3

ЧЕРНЫХ Д. Г.
Народность как основной фактор
формирования русского стиля в архи-
тектуре и художественной промышлен-
ности в XIX – начале XX века 9

**ЭКОЛОГИЯ В АРХИТЕКТУРЕ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ**

ГУНДАРЕВ А. А.
Системный подход
в исследовании моногородов
(на примере Челябинской области) 18

ХУДЯКОВ А. Ю.
Стратегические вопросы
градостроительных комплексов 25

**АРХИТЕКТУРНЫЕ КОНЦЕПЦИИ
ФОРМИРОВАНИЯ,
РЕКОНСТРУКЦИИ
И РЕВИТАЛИЗАЦИИ
ГРАЖДАНСКИХ И
ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ**

ПЕРОВ Ф. В.
Современные тенденции развития
типологии жилых и общественных
зданий с учетом идентификационных
признаков сложившейся
городской среды 32

**ИННОВАЦИОННЫЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ПРОГРАММЫ**

ШАБАЛИНА Н. М.
Направления региональной
художественной институции в XX веке 40

**THEORY AND HISTORY
OF ARCHITECTURE,
URBANISM
AND DESIGN**

ALESHIN A. Y.
Formation of architectural formation
of Moscow XVIII–XIX of century 3

CHERNYH D. G.
Folk as the main formation factor
in russian architecture style
and in the art industry
during XIX - early XX century 9

**ECOLOGY IN ARCHITECTURE
AND URBANISM**

GUNDAREV A. A.
Systematic approach
to the study of monocities
(on the example of Chelyabinsk region) 18

KHUDYAKOV A. Y.
Strategic issues
of the urban complexes 25

**ARCHITECTURAL CONCEPTS
OF FORMATION,
RECONSTRUCTION
AND REVITALIZATION
OF CIVIL AND INDUSTRIAL
BUILDINGS**

PEROV F. V.
Modern trends in the development
of typologies of residential
and public buildings according
to the identification features
of the existing urban environment 32

**INNOVATIVE
EDUCATIONAL
PROGRAMMES**

SHABALINA N. M.
Towards Regional Art Institutions
in the XX Century 40

СТАНОВЛЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКВЫ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Архитектурное образование как факт русской культуры, отразившее мировоззренческую позицию эпохи и собравшее в себе разные стороны быстрого духовного развития русского общества, представляет серьезный интерес.

В статье вскрываются успехи и проблемы становления архитектурного образовательного процесса Москвы, опираясь на анализ научных трудов российских архитектурных историков.

К середине XVIII столетия архитектурно-художественное образование представляло собой достаточно сложную и многогранную картину, но постепенно сложилось в определенную систему. Восприятие западноевропейской культуры, осознание национальной традиции нового русского зодчества – эти главные темы составили содержание архитектурного процесса XVIII–XIX веков.

В течение десятков лет в Москве существовала прочная архитектурная традиция, объединившая самые разносторонние художественные направления в едином союзе. Но рядом со сложной и многогранной архитектурной жизнью Петербурга такая традиция – ни в коем случае не признак провинциальной простоты. Москва слишком долго была столицей Российского государства и концентрацией всех его культурных и общественных сил, чтобы полностью потерять это свое значение с развитием Петербурга. Наоборот, многие историки отмечают, что именно в Москве, удаленной от трона и двора, свободно зарождались и получали развитие прогрессивные идеи. Многие государственные инициативы, такие, как основание первого университета или созыв «Комиссии для составления нового уложения», невозможны вне Москвы. Эта высокая культурная традиция открыла московской архитектурной школе шанс сложиться в крупное явление в истории русской архитектуры. До настоящего времени не появилось качественной оценки этого процесса в формировании традиций архитектурной образовательной системы.

В этот период архитектурное образование представляло собой специальную сферу социальной и интеллектуально-творческой жизни, сочетаемую в своей эволюции со многими и различными гранями художественной культуры.

Это позволяет в комплексе рассмотреть две стороны историко-культурного процесса: архитектурное образование и архитектурную практику.

Ключевые слова: архитектурное образование, пенсионеры Петра, архитектурная школа, Академия.

FORMATION OF ARCHITECTURAL FORMATION OF MOSCOW XVIII–XIX OF CENTURE

Architectural education as the fact of the Russian culture, reflected a world outlook of an era and collected in itself the different parties of fast spiritual development of the Russian society, represents serious interest.

This research opens progress and problems of formation of architectural educational process of Moscow, being guided by the analysis of scientific works of the Russian architectural historians.

To the middle of the XVIII century architectural art education represented rather difficult and many-sided picture, but gradually it developed in a certain system. The perception of the West European culture, understanding of national tradition of new Russian architecture – these main subjects made the content of architectural process of the XVIII–XIX centuries.

During tens years in Moscow there was a strong architectural tradition which united the most versatile art talents in the uniform union. But near difficult and many-sided architectural life of St. Petersburg such tradition – at all not a sign of provincial simplicity. Moscow too long was the capital of the Russian state and concentration of all of its cultural and public forces completely to lose this value with development of St. Petersburg. On the contrary, many historians note what exactly in Moscow remote from a throne and the yard, freely arose and progressive ideas gained development. Many state initiatives, such as foundation of the first university or convocation “The commissions for drawing up the new code”, are impossible out of Moscow. This high cultural tradition opened to the Moscow architectural school, chance to develop in the large phenomenon in the history of the Russian architecture. So far, there was no quality standard of this process in formation of traditions of architectural educational system.

During this period architectural education represented the special sphere of social and intellectual and creative life combined in the evolution with many and various sides of art culture.

It allows to consider two parties of historical cultural process in a complex: architectural education and architectural to the practician.

Keywords: *architectural education, Peter’s pensioners, architectural school, Academy.*

Эпоха Петра I вошла в летопись нашей истории как «эпоха преобразований» во всех областях жизни, а в области архитектуры она явилась коренным переворотом, узаконив новое состояние архитектуры и архитектурной профессии. Слова «архитектура» и «архитектор» в допетровской Руси не существовали, если не говорить об отдельных итальянцах при Иване III. При Петре слово «архитектор» было узаконено с самого начала перестройки Петербурга. Швейцарский итальянец Д. Трезини занимался в 1703 г. на работу «архитектонским начальником». Приезжих специалистов потом называли более кратко – «архитекты». Слово «архитектура» при Петре прочно закрепилось, он сам редактировал издание книги Виньолы, напечатанное при нем дважды.

Что стало с Москвой в петровское время? С 1714 г. в ней, как и в других городах, запрещены были каменные постройки, а все ее строительные кадры должны были переселиться на берег Финского залива. На Москву была возложена трудная обязанность доставки ежегодно на эту стройку не менее 40–50 тыс. каменщиков, плотников и других строительных специалистов. Это были в первую очередь москвичи, мастера каменных дел, подмастерья, палатные и церковные мастера, называвшиеся в Древней Руси «зодчими». Москва почти на три десятилетия

оказалась и без строителей, и без зодчих. Но если бы они и оставались в ней, то стали бы безработными. Богатые архитектурные заказчики, аристократы и купцы, должны были последовать за Петром и правительством в северную столицу. Указ о запрете каменного строительства исключал в Москве дальнейшее развитие архитектуры. Когда в 1732 г. Правительствующий сенат затребовал возвращения в Петербург из Москвы посланного для съемки городского плана архитектора И. Мордвинова, то оказалось, что кроме него в Москве оставался только один архитектор – И. Мичурин, который сам попросился в Москву и оставался в ней до своей смерти. Он стал одним продолжателем в Москве допетровской архитектуры.

Петровских зодчих – «пенсионеры Петра», это отправленные Петром за границу молодые люди для получения образования. Большинство из них были москвичами. После возвращения на родину на них легла вся тяжесть работ по планировке, застройке и благоустройству новой столицы. Этот огромный труд не сводится только к проектированию. Но быстрота возведения нового города в больших масштабах, в трудных климатических условиях заставила первое время вести строительство фактически без общего плана. С возвращением «пенсионеров» из-за границы в 1720-х годах им пришлось во многом

исправлять сделанное, составляя детальный план города. Такая работа была очень трудоемкой. Она требовала прежде всего жесткой, фактически военной организации всего дела и продолжалась потом в течение целых десятилетий. Только огромные петербургские пожары 1736–1737 гг. вынудили императрицу Анну издать 10 июля 1737 г. особый указ «Об учреждении Санкт-Петербургской комиссии строений и об обязанностях оной». Эта комиссия через посредство полиции должна была вершить все дела застройки города, а инженеры и архитекторы должны были быть переданы в ее ведение.

На протяжении трех лет (1737–1740 гг.) эта комиссия проводила регулярные заседания. Единственным архитектором в этой комиссии был петровский пенсионер П. Еропкин, на которого легла вся непосредственная работа. Именно он готовил тексты и чертежи этого замечательного документа.

П. М. Еропкин (1689—1740) был широко образованным архитектором. Посланный в Италию, он пробыл там дольше других пенсионеров, 7 лет. П. Еропкин был и очень способным архитектором. Ему вместе с И. Коробовым Петербург обязан трехлучевой композицией проспектов, ведущих к Адмиралтейству. Именно он готовил текст и чертежи замечательного документа – трактата «Должность архитектурной экспедиции». Этот трактат отвечал специфическим строительным условиям нашей страны того времени, он выработал требования не только к градостроительству, но и архитектурному образованию. Рукопись содержит около 400 артикулов и составляет более ста страниц и пятидесяти чертежей. Содержание глав дает понятие о широте охваченных архитектурных и градостроительных вопросов.

Особенно интересна глава V – «Об архитектуре и архитекторах и что их должность при строениях». Артикул первый посвящен теоретической стороне зодчества и архитектурному образованию. Авторы трактата придают архитектурной теории значение исходной позиции, «всегдашнее в созидании движение мысли и рассуждения». Трактат определяет творчество архитектора («созидание») в первую очередь как продукт разума («движение мысли и рассуждения»).

В той же главе вслед за теоретическими положениями содержится более 30 артикулов, в которых упоминалось о ведении специальных журналов, о постоянном пребывании архитектора на постройке, о необходимости сообщать начальству о ходе работ и сроках окончания, о собрании архитекторов на кон-

силиум. Интересен пункт о предоставлении архитекторам средства транспорта в виде лодки с гребцами, что было необходимо в петербургских условиях.

Содержание главы VI – «О Академии архитектурной». Под этим названием подразумевалось учебное заведение для специалистов высшей квалификации – архитекторов. Количество учащихся предлагается до 32 человек в возрасте от 14 до 18 лет. До поступления в Академию они должны быть обучены грамоте, арифметике, геометрии и тригонометрии, а также «рисованию фигур». Необходимо было знание одного из иностранных языков.

Указаны места учебной практики (Петербург, Петергоф, Стрельна, Кронштадт). Дается даже образец расписания по дням и часам. Рекомендуются устройство диспутов и дискуссий в виде соревнования между учениками. Ученики обязаны были носить одинаковый для всех мундир, как изображено на рисунке, прилагаемом к рукописи.

Новые требования к городской застройке с начала XVIII в. привели к разработке генерального плана города, внедрению всех видов благоустройства, к строительству домов только по проектам. Застройка регулируется архитектором, нарушения наказываются государственной властью. Если эти новые требования переносить в архитектурное обучение, то оно наполнится научными данными, а это рождает необходимость организации архитектурной школы как системы обучения. Такова и была программа архитектурного обучения, разработанная зодчими – петровскими пенсионерами.

В развитии послепетровской московской архитектурной школы роль руководителей сыграли петровские пенсионеры. В Москве вдали от нравов и вкусов новой столицы вырастала и своя молодежь. Развивавшемуся городу необходимы были свои строительные кадры. Возникла нужда в их подготовке, которую взяли на себя покинувшие Петербург И. Мичурин и И. Коробов. До них в Москву после своего возвращения из Голландии, где он учился вместе с И. Коробовым, был послан в 1731 г. И. Мордвинов для составления плана города. Они вносили в архитектуру древней столицы дух нового времени, но одновременно и проникались ее духом.

С начала 1740-х годов с приходом к власти Елизаветы I Москве уделяется большее внимание, оживляется ее застройка. В Москву возвращается зодчий И. Бланк, сосланный Ф.Бироном. Он становится городским архитектором (архитектор при полиции). После смерти городского архитектора И. Бланка его

должность в 1745 г. передали Д. Ухтомскому, проработавшему на ней в течение семи лет.

Д. В. Ухтомский принадлежит уже к следующему поколению архитекторов вслед за «пенсионерами» Петра. Он прошел всю учебу у И. Мичурина и И. Коробова. В 1733 г. в возрасте 14 лет его направили как ученика Математической и навигационной школы («Московской академии») к архитектору И. Мичурину для обучения «архитектуре». Д. Ухтомскому принадлежит в истории русской архитектуры почетное место основоположника послепетровской школы московского зодчества, что явилось для России более ранним событием, чем основание в Петербурге Академии художеств. К патриотической деятельности градостроителя и личной архитектурной практике Д. Ухтомского добавляется этот его педагогический подвиг – создание архитектурной школы почти с сотней учеников, помощников и педагогов.

Из выпускников школы Д. Ухтомского достойны упоминания четыре имени: К. Бланк, А. Кокоринов, П. Никитин и М. Казаков (будущий лидер московского классицизма).

Д. Ухтомский – оригинальный мастер, имеющий собственный стиль, характерный для московской ветви барокко. В его творчестве рационализм и тектоническая строгость формы сочетаются с богатством барочной декорации.

В 1750 г. настойчивые просьбы Д. Ухтомского увенчались предоставлением особого помещения с мебелью, чертежными и измерительными инструментами, бумагой и всем прочим, что необходимо для проектной конторы и школы. С этого момента и начинается систематически налаженная учебная работа школы. В 1753 г. Сенат разрешает пристройку еще двух «палат» к одной, в которой стало тесно. После того как эта пристройка была закончена и школа вместе с учениками разместилась в трех палатах, Ухтомский мог уже называть свои палаты высоким наименованием: «учрежденный от Правительственного Сената для обучения архитектурный дом». На это шестилетие (1754–1760 гг.) приходится время расцвета его многосторонней деятельности, личного творчества и развития государственного дела по подготовке архитекторов. Число его учеников достигает 46, весь коллектив команды и школы в количестве 80 человек к концу 1760 г. вовлекается в практическое строительство не только в Москве, но и во многих других городах России.

В школе Д. Ухтомского, образцовой для своего времени, организация обучения велась по следующим предметам: 1 – арифме-

тика, геометрия и тригонометрия; 2 – вычерчивание и изучение ордера (тосканский, дорический, ионический, коринфский); 3 – рисунок (слепков, натурный, орнамент); 4 – обучение архитектуре, состоящее в изучении классических памятников с перечерчиванием. При этом требовалось и прочтение книг с описанием памятников. Сдавших экзамены по арифметике, геометрии, по ордерам и рисунку переводили на последний этап обучения, на «изучение архитектуры», давая учащимся вначале чин капрала. Перевод в сержанты производился с поручением обслуживать несложную постройку и одновременно продолжать «изучение архитектуры».

Д. Ухтомским была введена система обучения, принятая в западных школах, и впоследствии в Петербургской академии художеств. Основой её была дисциплина архитектурного ордера. Другим главным предметом был рисунок. Преподавание его было возложено на П. Никитина, а с конца 1750-х годов на его помощников – М. Казакова и В. Яковлева, проявивших способности в рисовании.

Значение школы и творческой личности Д. Ухтомского было так велико, что ее формальная ликвидация московскими чиновниками не могла прекратить ее фактического существования и продолжения. В этом большую роль сыграл переезд В. Баженова в Москву в 1766 г., когда этому всемирно известному зодчему не нашлось места в столице.

Приобретенный вначале авторитет позволил В. Баженову широко развернуть проектную работу над будущим дворцом. Этот «Модельный дом» занял в истории архитектурного образования важное место на смену учебного заведения Д. Ухтомского. Даже после приостановки дела с Большим дворцом «Модельный дом» его коллектив не рассыпался. В. Баженов превратил его в своего рода Академию архитектуры, собрав вокруг себя широкий круг архитектурной молодежи.

Система обучения архитекторов принципиально не отличалась от учебных приёмов на художественных дисциплинах в университетах Франции и Германии. Одной из основных задач являлось воспитание у учеников вкуса – определенного навыка восприятия, сформированного благодаря тщательному изучению академического рисунка, классических ордерных систем и учебному проектированию под руководством ведущих мастеров зодчества. Главнейшей целью введения такого порядка в учении было образование «изящного вкуса», в учащихся которого нельзя внушить посредством лекций. Достижению этой же цели способствовала и

практика копирования чертежей «лучших известных зданий». Это давало возможность на первоклассных образцах усвоить средства и приемы взаимного сопряжения архитектурных и скульптурных форм, свойственных классицизму. Источником оригиналов для копирования служило ценнейшее собрание самой Академии, которое в конце XVIII в. насчитывало десятки листов В. Баженова, Ф. Волкова, И. Старова и других мастеров. Освоение учениками графических способов построения скульптурной формы было настолько объёмным, что позволяло исключить из учебного процесса архитекторов такой предмет, как лепку. Её место занимали специальные графические задания, предназначенные для окончательной отработки приемов изображения декоративной пластики. Уезжая в 1797 г. из Москвы, где В. Баженов пробыл более 30 лет, он по приказу нового императора Павла I незадолго до своей смерти ставится во главе Академии художеств. Известно, что творчество В. Баженова решающим образом повлияло на формирование московского классицизма, заложив основы его художественного своеобразия.

Воспитательную работу В. Баженова в архитектуре продолжал его ученик М. Казаков. М. Казаковым в 1789 г. при «Кремлевской экспедиции» была организована на базе баженовского «Модельного дома» школа сначала у него на квартире, а потом в выстроенном им в Кремле здании Сената. Таким образом, начиная с Д. Ухтомского, регулярная архитектурная школа в Москве уже сформировалась.

Существовала еще одна архитектурная школа, при «Приказе каменных дел». Под руководством французского архитектора Н. Леграна эта школа приобрела, несмотря на свои небольшие размеры, высокий уровень общекультурного образования, обладая прекрасными преподавателями и великолепной библиотекой.

Изолировать архитектурную Москву от Петербурга невозможно. Историки архитектуры и архитектурного образования считают открытие Петербургской академии художеств при Елизавете I в 1758 г. важнейшим событием. Но в истории Академии художеств наблюдались и кризисные явления. Екатерина II наводняла страну иностранцами, считая это более правильным. Из окончивших Академию русских зодчих она использовала фактически только одного И. Старова. Навредила постановке образования идея И. Бецкого, назначенного вице-президентом принимать

в Академию детей с 5–6 лет и проводить их «совершенное» воспитание. Это привело, во-первых, к большому отсеву при переводе подростков в высший класс обучения, а во-вторых — к переносу внимания всей Академии художеств на этот состав учащихся в числе 300 детей, на которых затрачивались главные усилия. Это повлекло качественный упадок выпускников. Не случайно, что из выпускков архитекторов этого времени в числе выдающихся оказался только один А. Захаров, строитель Адмиралтейства. Другие же крупные зодчие начала XIX в. — А. Воронихин, В. Стасов и К. Росси — пришли из практики, получив звание академиком уже сложившимися зодчими. В начале нового столетия выпуск архитекторов Академией был очень незначителен, в год заканчивало не больше, чем 3–4 архитектора. Впоследствии, в середине XIX в., ежегодное число выпускников-архитекторов доходило до 50. Это было уже в годы существования Института гражданских инженеров, который оказался сильным конкурентом Академии художеств. Академия увеличила выпуски, прибегнув к более легкому способу подготовки, что было отчасти вызвано большим набором с Запада желающих работать в России, где иностранцы находились в более выгодных условиях. К тому же диплом, выдаваемый Российской Академией художеств, давался легче. Все это привело в середине XIX в. в России к некоторому перепроизводству архитекторов, если учесть многочисленные выпуски строителей в технических школах, прежде всего в Институте гражданских инженеров в Петербурге.

Вторая половина XIX века отмечена новыми явлениями, вызванными наступающей эпохой технической революции. Если в 1840-х годах реорганизация Кремлевского училища в Дворцовое была вызвана большой потребностью в кадрах зодчих, что привело к увеличению платных учеников в 1849 г. до 130, то после 1860 г., в связи с резким увеличением выпуска строителей и архитекторов, московская Дворцовая контора выразила желание свернуть Дворцовую школу. Встал вопрос, имеет ли смысл дальнейшее существование Московской архитектурной школы. По настоянию московской общественности «Училище живописи и ваяния» при Московском обществе художников превратили в Московскую академию художеств, включая и архитектурный факультет. Но эта трансформация не привела к желаемому результату. Дворцовое ведомство объясняло, что Петербургская «Императорская Академия художеств» является высшей школой, и

должна быть единственной. Следовательно, другого высшего художественного учебного заведения в России существовать не должно. Однако при этом на включение архитектурного факультета в состав «Училища живописи и ваяния» Дворцовое ведомство дало согласие. Так, в 1866 г. была основана новая художественная школа в Москве, подобная петербургской, но лишенная тех же прав. Её оставили средним учебным заведением так же, как не были признаны высшими и другие московские вузы, в частности Московское техническое училище и Училище путей сообщения. В архитектурном образовании монополия Академии художеств привела к тому, что Москва была заполнена приезжими строителями и архитекторами. Московские заказчики ориентировались на петербургских зодчих, и даже само московское Училище вынуждено было приглашать из столицы профессоров (например, А. Померанцева в

1902—1907 гг.). Академия художеств без каких-либо оснований установила особые экзамены для выпускников Московского училища, желающих продолжить свое образование в Академии. Это было несправедливо и неправильно.

Заключение

Архитектурная Москва начала XX века располагала авторитетными архитекторами: академики А. Щусев, И. Жолтовский; профессора: К. Ноаковский, Н. Курдюков, П. Рьельский, Ф. Норверт и другие. Так что выпускник Академии могли бы многому научиться и в Московском училище.

Именно в Москве рождался и развивался своеобразный центр архитектурного образования, который долгие годы занимал важное место в расцвете общерусской художественной культуры, формировал её в течение не только XVIII века, но и следующего столетия.

Литература

1. Михайлов, А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. / А.И. Михайлов. – М., 1954. – 372 с.
2. Русская архитектура второй половины XVIII в. Исследования и материалы / под ред. акад. И. Э. Грабаря. – М., 1954. – 415 с.
3. Будылина, М. В. Архитектурное образование в Каменном приказе (1775–1782) / М. В. Будылина. Архитектурное наследство. – М., 1963, № 15. – С. 111–120.
4. Молева, Н. А. Педагогическая система Академии художеств XVIII века. / Н. А. Молева, Э. М. Белятин. – М., 1956. – 216 с.
5. Жидков, Г. В. Русское искусство XVIII в. Архитектура, скульптура, живопись / Г. В. Жидков. М. 1951. – 141 с.

References

1. Mihaylov, A.I. Arhitektork D. V. Uhtomskiy i ego shkola./– M. 1954. 372 s.
2. Russkaya arhitektura vtoroy polovinyi XVIII v. Issledovaniya i materialyi. Pod red. akad. I. E. Grabarya. M. 1954, 415 p.
3. Budyilina, M.V. Arhitekturnoe obrazovanie v Kamennom prikaze (1775-1782). Arhitekturnoe nasledstvo. M., 1963, № 15, p. 111-120.
4. Moleva, N.A., Belyutin, E.M. Pedagogicheskaya sistema Akademii hudozhestv XVIII veka. M., 1956, 242p.
5. Zhidkov, G.V. Russkoe iskusstvo XVIIIv. Arhitektura, skulptura, zhivopis. M., 1951, 141p.

Алёшин А. Ю.,

доцент, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: al.al@inbox.ru

Alechin A. Y.

Docent, South Ural State University, Chelyabisk. E-mail: al.al@inbox.ru

Поступила в редакцию 25.12.2015

Черных Д. Г.

НАРОДНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО СТИЛЯ В АРХИТЕКТУРЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируется такой важный фактор возникновения русского стиля в XIX веке в архитектуре и художественной промышленности, как народность и её влияние на ход событий в отечественной художественной культуре. Повествуется о стадиях развития этого культурного феномена на протяжении XIX–XX веков. Акцентируются культурно-исторические и социальные особенности, повлиявшие на становление этого всеохватывающего явления в контексте мирового художественного процесса. Прослеживается становление терминологии и стилистического почерка этого выходящего за рамки существующих общеевропейских стилей явления, получившего условное обозначение «Русский стиль». Стадиально и хронологически обозначаются основные вехи развития такого культурного феномена, как «русский стиль». Исследуются смыслы сформулированной С. С. Уваровым триады «Православие, Самодержавие, Народность», задавшей не только внутреннюю политику в Российской империи, но вызвавшую широкую общественную дискуссию по поводу эстетической ценности и самобытности русского искусства. Обозначается роль славянофильства как влиятельнейшего общественного движения второй половины XIX века, которое способствовало поиску национальной идеи, и её эквивалента в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в искусстве. Кратко описываются основные внутрителиевые течения, существовавшие в рамках этого явления, и их основная мировоззренческая парадигма. Указываются на неоднородность этого движения и бескомпромиссность борьбы между отдельными направлениями «русского стиля», а также их сходство и различия в исторической перспективе. Особое внимание уделяется синтезу народности и эволюции художественного процесса в поиске самобытного пути развития страны. Обосновываются целостность и адекватность понятия «русский стиль» по отношению к полистилизму в XIX – начале XX века. Рассматривается влияние народности через призму переосмысления отечественной художественной традиции на стадиально разные, но хронологически близкие стили в искусстве: классицизм, эклектика, модерн, ретроспективизм. Делается вывод о решающей роли фактора народности на формирование, развитие и устойчивость такого всеобъемлющего феномена в отечественной художественной культуре XIX–XX века, как «русский стиль».

Ключевые слова: русский стиль, народность, эклектика, модерн, Российская империя.

FOLK AS THE MAIN FORMATION FACTOR IN RUSSIAN ARCHITECTURE STYLE AND IN THE ART INDUSTRY DURING XIX - EARLY XX CENTURY

The article shows the important factors of Russian style in the XIX century in architecture and art industry, as a nation and its influence on the course of events in the national artistic culture. There is the information about the stages of development of this cultural phenomenon throughout XIX–XX centuries. The most important factors such as cultural, historical and social influenced the formation of this phenomenon in the context of an inclusive global artistic process. There is the way of terminology's formation and stylistic underscore that goes beyond the existing pan-European style phenomenon, the symbol of "Russian style". You can see the chronological development of this cultural phenomenon "Russian style". There is the meaning formulated by Uvarov S.S. in his triad "Orthodoxy, Autocracy, Nationality" given not only the internal policy of the Russian Empire, but has caused a wide public debate about the aesthetic value and originality of Russian Art. You can find here the representation of Slavophilism as an influential social movement of the second half of the XIX century. It is contributed to the search for a national idea, and its equivalent in the different spheres of human activity, including the arts. The article briefly describes the basic "inside-of-style" currents exist within this phenomenon, and their basic outlook and paradigm. The author of this article points to the heterogeneity of the movement and uncompromising struggle between different areas of the "Russian style", as well as their similarities and differences in historical perspective. Particular attention is paid to the synthesis of ethnic ethics and evolution of the artistic process in line with the original search for the country's development. Substantiates the integrity and adequacy is the concept of "Russian style" towards polistilizm in XIX - early XX century. The influence of ethics, through the prism of a rethinking of national artistic tradition is different but chronologically close in art styles: classicism, eclecticism, art nouveau, retrospectivism. There is a conclusion about the decisive role of ethnic factors on the formation, development and sustainability of such a comprehensive phenomenon in Russian art culture XIX- XX century as the "Russian style".

Keywords: Russian style, folk, eclectic, Art Nouveau, Russian Empire.

Возникновение явления, получившего в искусствоведении название «Русский стиль», в XIX веке в архитектуре и художественной промышленности – результат естественного хода событий в истории искусства. На развитие «русского» стиля воздействовало множество факторов, и не только имеющих прямое отношение к искусству. Особую остроту вопросу придаёт ситуация, при которой не только история отечественной государственности, но и вектор дальнейшего развития страны в середине XIX века рассматривались в общественном сознании в том числе через призму самобытности (самостоятельности) русского искусства.

В современном искусствоведении до сих пор нет однозначной трактовки терминологии, относящейся к «русскому стилю», и того, что под этим следует подразумевать, а отдельные явления, существовавшие в рам-

ках этого направления, пока окончательно не дифференцированы. Например, архитектурное направление, опирающееся на формы декора древнерусского искусства и стадияльно относящегося к эклектике, некоторые искусствоведы именуют «псевдорусский стиль». Это несёт оценочный, негативный смысл, сделав термин уязвимым для широкого использования. Что же касается так называемого «неорусского» стиля, то до сих пор нет единого мнения среди искусствоведов о его конкретной «стилевой принадлежности». Например, Е. И. Кириченко рассматривает «неорусский» стиль как «национально-романтическую ветвь» модерна, в исторической перспективе причисляет его к «общему» русскому стилю, подразумевая существующую идеологическую преемственность русской темы в искусстве, хотя и выраженную иными художественно-конструктивными принци-

пами проектирования. По мнению же Д. В. Сарабянова, «неорусский» стиль существовал как «составная часть» внутри модерна, хотя и пытался обрести самостоятельность.

В 1997 г. Е. И. Кириченко опубликован развёрнутый труд по «Русскому стилю», уделив терминологии этого понятия целый раздел. Обосновав значимость для появления и развития «русского стиля» мировоззренческих, философских, этических принципов, автор сосредоточил внимание на истории архитектуры как стилеобразующем виде творческой деятельности. Слово «эkleктика» как термин употребляется для обозначения определенного конкретно-исторического периода в развитии архитектуры и лишено оценочного смысла. Стадиально эkleктика наследница классицизма и предшественница модерна. Хронологически она приходится на конец 1820-х – начало 1890-х годов. В ней можно различить два этапа – романтизм и историзм, стадиально и хронологически следующие один за другим.

«Русский стиль» по смыслу уже понятия «русское искусство», но в то же время в изобразительном искусстве XVIII–XIX веков не существовало направления, сопоставимого по комплексу идей, значению и широте распространения с «русским стилем» в архитектуре и прикладных искусствах. Под термином «русский стиль» подразумевают конкретный исторический феномен, рожденный общественной потребностью выразить идеи самобытности, народности и национальности в искусстве, сделав наглядным то, что в определенный отрезок времени отождествляется с народным духом в представлении современников [1].

«Русский» стиль проявился в разных видах изобразительных искусств не одновременно. В начале «русский стиль» заявил о себе в архитектуре, никак не влияя на отделку и организацию внутренних помещений. В оформлении интерьеров и прикладном искусстве он появился лишь несколько десятилетий спустя. В графику это явление проникает ещё позднее, в 80-х годах XIX века. Апогей «русского стиля» в архитектуре приходится на вторую половину XIX века, но хронологически его влияние сохраняется до революционных событий 1917-го г. и Гражданской войны, прервавших его естественное развитие. Проблема несинхронности путей развития разных видов искусств в искусствоведении до сих пор достаточно не изучена.

Отечественная война 1812 г. и последовавшее за ним восстание декабристов в 1825 г. способствовали трансформации государ-

ственной идеологии просвещенного абсолютизма в теорию «официальной народности», которая также получила наименование «непросвещённый абсолютизм». Этот термин употребляется без критического оценочного смысла, лишь отображая изменение вектора государственной идеологии в противоположную сторону.

Провозгласивший себя императором московский царь Петр I поставил своей целью модернизацию страны. Для этого им был выбран путь, приведший к социальному, культурному и духовному расколу общества. Старая русская культура и искусство объявляются как бы несуществующими. Выбранный путь европеизации повлек за собою смену ориентиров, ценностей, художественных традиций. Выход за рамки связанной с православием культуры византийского типа осуществлялся насильственным насаждением европейской культуры, генетически связанной с иными вариантами христианства. Переворот оказался столь резким и катастрофичным, что после петровских реформ общественное сознание каждого поколения вынуждено было возвращаться к осмыслению этого узлового момента отечественной истории. В результате действия официальной политики в области искусства в XVIII – начале XIX века общечеловеческому (общеевропейскому) стало принадлежать господствующее место. Отечественная культурная традиция в это время рассматривается как второстепенная по сравнению с античной, имеющей общечеловеческое значение [1].

Народ и нация – основные понятия XIX века в общественном сознании людей. Этика государственной гражданственности, понимаемая в правление Петра I как этика служения государству, эволюционирует в идею служения народу. Министр народного просвещения граф С. С. Уваров сформулировал в 1832 г. новую этику как «Православие, Самодержавие, Народность», что на многие годы определило внутреннюю политику в Российской империи. Это стало возможным после того, как подавивший восстание на Сенатской площади император Николай I разочаровался в лояльности дворянства и интеллигенции, сделав ставку на народ. Категории «народ» и «нация» в XIX веке тесно связаны, но не тождественны. Под народом подразумеваются непросвещённые, низовые, трудящиеся слои общества, которые выступают носителем наиболее типичных сущностных черт нации. Нация не мыслится вне народа как своего определяющего начала.

Перелом в мировоззрении характеризуется программно антимионархическим и антисловным характером общественного идеала. Государство вынуждено приспособляться к ходу естественно-исторического процесса развития общественного сознания. Стремление сохранить существующий порядок вещей рождает такой парадоксальный феномен, как характерная для России официальная народность [2].

Триада С. С. Уварова задумывалась как антипод лозунгу революционной Франции «Свобода, Равенство, Братство» и имела ярко выраженную охранительную концепцию. Формула народности была воспринята славнофилами, которые явились сторонниками русского стиля в искусстве, но понимали они её иначе, чем власть. Кроме того, не было единства внутри стилистических течений русского стиля, когда расстановка различных акцентов в триаде С. С. Уварова придаёт разный смысл самой теории народности. И даже в официально понимаемой версии «крауголия» были заложены некоторые противоречия, связанные с взаимодействием трёх компонентов формулы применительно по отношению к подданным разных национальностей и вероисповедания.

Авторы триады отдавали себе отчёт, что только из подданных истинно православных нельзя построить государство. Православие как вера в абсолютном смысле не связана с какой бы то ни было государственной и даже национальной задачей. Для церкви все нормируется её догмами: для государства же Православие входит как одна из неразлучных частей триады. Следовательно, Православие в практических целях понималось условно, чтобы его можно было соединить с двумя другими «началами», и выступает чем-то средним между церковью и государством. Ибо в области «чистой» веры невозможно почитание её иноверцем. Но как «бытовая» вера русского народа, Православие может быть принято и уважаемо другими подданными государства, даже и нехристианами. В этом случае вера воспринимается как внутренний залог жизни русского народа, и её почитать становится возможным, оставаясь в области личной совести противником «догматического Православия». Поэтому и истинный смысл формулы виделся существующей власти как абсолютизм, освященный верою и утверждённый на повиновении народа, верующего в его божественность [3].

На архитектуру с времён правления императора Петра I возлагались государственные

задачи: она была стилепорождающим видом творческой деятельности и зримым воплощением идеологии абсолютизма. Правитель не мог оставаться равнодушным по отношению к глобальным тенденциям в архитектуре, лично внося коррективы в развитие этого вида творчества. Не прервалась эта практика и с восшествием на престол императора Николая I.

Первая и вторая четверти XIX века резко отличаются друг от друга положением дел в архитектуре. Первая четверть проходит под знаком триумфа классицизма, вторая четверть – время распространения идей национальности. Развитие национального стиля в искусстве было ускорено целенаправленной поддержкой, законодательными актами и инициативами императора. Национальное направление поначалу получает наименование «византийский стиль». В этом определении содержится указание на европейские корни русской национальной культуры (Византия – наследница античной Греции), но сам термин содержит и указание на то, что отличает русскую культуру от западноевропейской – на её принадлежность к восточной разновидности христианства – к православью [1].

Термин «византийский» носил программно-установочный, а не научно-достоверный характер. Он потребовался для акцентирования великодержавных претензий самодержавия, его преемственности по отношению ко второму Риму – Константинополю. Не случайно первые сооружения в «византийском» стиле – это православные храмы, спроектированные по правилам классицизма. Прототипом для них, однако, послужила московская архитектура XV века, когда была популярна идея о Москве как о третьем Риме, преемнице Византийской империи. В качестве декоративных элементов в них использовались мотивы средневековой русской архитектуры, где не было ни одной исконно «византийской» детали. Первая постройка в новом стиле была осуществлена в проекте церкви святой Екатерины за Калинкиным мостом в Санкт-Петербурге. По итогам конкурса победу одержал К. Тон, его проект получил одобрение императора.

Во второй четверти XIX века центр развития нового направления в архитектуре постепенно перемещается из Санкт-Петербурга в Москву. Это связано с развернувшимся восстановительным строительством после грандиозного пожара во время оккупации войсками Наполеона и с «национальным» разворотом в политике государства. Пред-

ложенный К. А. Тоном проект пятиглавого храма Христа Спасителя был одобрен императором. Сооружение явилось зримыми воплощениями официальной версии теории народности, его функция выходила за рамки «обычного» культового сооружения, которое соединило в себе не только функцию храма (как культового здания), но и функцию памятника (победа над нашествием иноземцев), музея (хранилище не столько артефактов, сколько свидетельств торжества народного духа, освященного самодержавием).

В проектах и постройках зодчего как выразителя официального взгляда теории народности и знакового представителя романтического этапа эклектики прослеживаются не просто случайные пережитки классицизма, но их сознательная консервация. Охранительство, как глобальная тенденция в официальной идеологии, апеллирует к великодержавной идее московских князей. Упор делается на понятии о вечности и абсолютности истинно разумного, восходящих к рациональной философии Просвещения. В понимании официальной идеологии эти ценности отождествляются с самодержавием [4].

В Российской империи в царствование императора Александра II началась эпоха буржуазных реформ, беспрецедентных по масштабу, которая явилась следствием поражения в Крымской войне. Капитализм, как господствующая социально-экономическая модель, приходит на смену феодализму, ставшему анахронизмом в XIX веке. К правлению Александра II влияние монархии на течение художественного процесса в общероссийском масштабе заметно ослабевает. Острота проблемы выбора дальнейшего пути развития, по которому пойдёт страна, вызвала ожесточённые споры в просвещённом обществе. В результате появились два условных лагеря «славянофилов» и «западников», противостоящих друг другу по всем общественно значимым вопросам. Именно этические воззрения славянофилов способствовали изучению отечественного художественного наследия, дав толчок исследованию обрядов, сбору фольклора, народных песен и сказаний. Славянофильство стимулировало исследование современного крестьянского и древнерусского искусства, оказав благотворное влияние на развитие отечественной историографии, археологии, этнографии.

Убеждение в необходимости возрождать национальный стиль на строго научной основе повлекло за собой не только обращение к новым источникам, изменениям характера их интерпретации, но и метаморфозу само-

го термина этого явления. Господствующая в период романтизма установка на творчески-личностное воссоздание особенностей первоисточника допускает метафорическое обозначение национального стиля. Научная, характерная для архитектуры историцизма второй половины XIX века – делает неприемлемым иносказание. Отныне понятия «византийский стиль» и «русский стиль» не тождественны [1].

Наряду с официальным направлением «русского стиля» в 1840–1850-х гг. развивается неофициальное направление. Во времена Николая I оно занимает подчиненное место, а после смерти императора в 1856 г., в условиях подготовки крестьянских реформ, оттесняет официальное направление на задний план. Идеологом этого течения был авторитетный художественный критик, демократ, гуманист и атеист В. В. Стасов (1824–1906 гг.). Он стал ревностным поклонником, защитником и пропагандистом неофициального, демократического варианта «русского стиля». Основным в его оценки является морально-этический критерий. По его мнению, искусство ненародное, обслуживающее аристократию, «этически переходит в разряд недостойного, лишённого ценности». Красота и художественность, в представлении В. В. Стасова, существуют лишь в качестве производного и подчиненного нравственному и социально-значимому. Та же причина лежит в основе неумеренных восторгов В. В. Стасова сооружениями демократического варианта «русского стиля». Они олицетворяют в его глазах высшую меру художественности благодаря сочетанию демократизма функции и конструкции с буквальной народностью стилиобразующей формы [4].

В. В. Стасов делает немало, чтобы насытить архитектуру мотивами русского народного и национального искусства: публикует альбомы средневековых орнаментов скопированных с рукописей, пропагандирует обмеры декора крестьянских изб, составляет предисловие к альбому образцов народных вышивок, пишет восторженные статьи о мастерах фольклорного направления. Он яростно критикует «державников», прежде всего К. А. Тона, противопоставляя его народности «совершенно официальной, искусственной, насильственной и поверхностной» «национальный период свободных художников». Репертуар используемых «демократами» мотивов составляет орнаментика, замаскированная с вышитых полотенец, резьба, украшавшая избы и предметы крестьянской утвари, орнаменты, скопированные с руко-

писей Древней Руси, – всё это переносится в архитектуру. В этом виделось олицетворение её народности и национальности как залога будущего возрождения отечественного искусства.

Родоначальником демократического варианта «русского стиля» был А. М. Горностаев, создателем – В. А. Гартман, а названный В. В. Стасовым «вожаком русского стиля» И. П. Ропет был фактически интерпретатором, использующим найденные когда-то им самим и другими зодчими композиционные приемы и мотивы декора. Но именно творчество Ропета И.П. определило характер направления деревянных построек во второй половине XIX в., получив массовое распространение в мещанской (в сословном смысле) архитектуре и став нарицательным. В 1900-х годы подверглось резкой критике всё то, чем восхищались в том числе и европейские современники зодчего. «Русский» стиль И. П. Ропета и его единомышленников стали называть «ропетовщиной», «петушиным стилем». Подобная оценка этой архитектуры остаётся актуальной и на сегодняшний день.

Славянофилы первые провозгласили литературу самым народным, а потому и ведущим искусством: слово есть выражение духа народа. Действительно, в середине XIX века на первое место в качестве стилеобразующего искусства выдвигается литература. Эстетические нормы, критерии, понятия создаются в расчете на литературу и исходя из нее. На реальность, описательность, просветительский дух литературы ориентируются все виды искусств. Но ориентация на литературу оказалась губительной для архитектуры, скульптуры, монументально-декоративной живописи, неудачи преследуют художников при попытках создавать произведения философского плана. Отношение к искусству только как к средству пропаганды передовых общественных идей привело к образованию пропасти между возвышенностью цели и примитивностью ее воплощения [5].

С начала 1870-х годов начинается активная исследовательская, издательская и литературная деятельность главы научного «археологического» направления – Л. В. Даля. Далекий от политики, он предпочитал умозрительной концепции достоверность научного факта, сделав изучение отечественного наследия делом своей жизни. Убеждённый в необходимости исторических исследований русских архитектурных памятников, Л. В. Даль ежегодно совершал экспедиции с целью их изучения. Зарисовывались и обмерялись,

а затем и публиковались в альбомах архитектурные мотивы и детали, которые могли быть непосредственно использованы архитекторами в проектировании новых зданий в «русском стиле». Убежденные в существовании материального эквивалента национальной идеи «археологи» пытались возродить не само древнерусское зодчество, а национальность в современном искусстве.

В 1870–1890-е годы формируется воинствующе-агрессивное националистически ориентированное почвенничество архитектора, скульптора, философа В. О. Шервуда «Почвенничество» – это консервативная антибуржуазная утопия с апологией Средневековья и чистой веры, ненавистью к меркантилизму буржуазного общества. В своей концепции В. О. Шервуд опирается на философскую доктрину Н. Я. Данилевского. Согласно этой теории, каждый из исторических народов олицетворяет собой определенную идею, воплощая ее в культуре. Поскольку идея народа и его дух вечны и неизменны, неизменны и принципы, в которых она воплощается. Свою задачу Шервуд видит в том, чтобы, поняв, как проявляется идея русского народа в искусстве, сформулировать вечные законы красоты, лежащие в его основе. По мнению Шервуда, источник расцвета искусства – вера. Искренность религиозного чувства определяет совершенство дорафаэлевского искусства [4].

С подачи археолога и историка А. С. Уварова в 1872 г. был издан императорский указ о создании в Москве Исторического музея. В 1875 г. был утвержден получивший первую премию на конкурсе проект (В. О. Шервуд и А. А. Семенов) и состоялась закладка здания музея. В. О. Шервуд подошел к проектированию музея как ученый-исследователь. Он пытается проникнуть в секреты законов и специфику древнерусского зодчества (что частично ему удалось) и реализовать на практике обнаруженные в процессе его анализа закономерности. Работа над проектом музея и оформление основных положений теории протекают одновременно. Разработанная теория для него – не цель, а лишь средство, руководство к проектированию в возрожденном на подлинно научной основе «русском стиле». В 1895 г. вышла книга «Опыт исследования законов искусства. Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика» – итог более чем двадцатилетних исканий художника [6].

На рубеже 1870–1880-х гг., во время Русско-турецкой войны и борьбы народовольцев с самодержавием, в архитектуре акти-

визируется официально-академическое направление в «русском стиле». Архитектор Н. В. Султанов, своего рода, преемник К. А. Тона. Идеиные соображения побуждают его ратовать за эклектическое объединение наследия ренессанса и Древней Руси. Он убеждённый сторонник монархически-верноподданнической теории, связывающей возникновение и существование «русского стиля» в искусстве исключительно с повелением императора. Он подвергает резкой критике своих идеологических оппонентов, прежде всего сторонников демократического варианта «русского стиля», за неразборчивость в выборе источников для подражания: «...эти мраморные полотенца и кирпичные вышивки лягут позорным пятном на наше время. Они прямо покажут, что в нашем юном искусстве была благородная жажда творить в национальном духе, но она не нашла себе должного удовлетворения...».

Н. В. Султанов в лице Александра III обрел заказчика своих главных проектов – православных храмов, создававшихся исключительно в «русском стиле». В 1880-е годы в рамках государственной программы православного храмостроения возводились культовые сооружения на окраинах империи (церковь в имении С. Д. Шереметева Альт-Пебальг в Лифляндии, 1881 г.) и в зарубежных странах (церковь Св. Николая Чудотворца и св. мц. Царицы Александры в Рознове, Румыния, 1884–1892 г.). По масштабности замысла, подобного строительства не знало ни одно европейское государство в XIX веке. Другой государственной программой было храмостроение в российской провинции. «Не должно ограничивать свои заботы одним Петербургом, что гораздо более следует заботиться о всей России: распространение искусства есть дело государственной важности», – говорил Александр III, подразумевая под этим, очевидно, материализацию теории «официальной» народности [7].

Существует связь между развитием внутристилевых течений «русского стиля» и событиями политической истории. В неофициальном направлении «русского стиля» 1830–1850-х гг. национальность и народность не дифференцированы. Расслоение этих понятий происходит на рубеже 1850–1860-х гг., когда ведущая роль принадлежала демократическому направлению, в тени которого развиваются все остальные. В 1880-е гг., после убийства Александра II, народничество переживает кризис и сходит со сцены вместе с демократическим вариантом «русского стиля». В 1870-х гг. формируются «археологическое» и «почвенниче-

ское» направления. А в 1880-х гг. активизируется официальное направление «русского стиля». Все течения 1880–1890-х гг. более аристократичнее в выборе мотивов. Их черпают преимущественно не из крестьянской архитектуры народного и прикладного искусства, а из культовой или дворцовой, каменной либо деревянной. Демократический вариант «русского стиля» единственный, где проводится разница между понятиями «национальное» и «народное». Упор делается на народности мотива. В остальных вариантах акцентируется национальность. Оба понятия в XIX веке – синонимы, в национальном пытаются видеть выражение духа народа. Для «почвенников» народный дух воплощен в православии, для официальной народности – в самодержавии. «Археологи» определяют национальность и народность как самобытность. Различию в понимании народности соответствует и различное отношение представителей разных направлений к культурно-историческому наследию [4].

Сторонники народности в искусстве во второй половине XIX века, отвергая в разной степени классицизм, вели между собою бескомпромиссные идеологические споры о путях развития «русского стиля» в искусстве. Но в исторической перспективе их позиции и результаты творческой деятельности сближаются. Ибо речь в них идёт о сути применяемого приема, но не метода. Архитекторы XIX века не мыслят проектирования иначе, как в «стиле». Их споры не затрагивают сути эклектизма, сосредоточиваясь на корректировке некоторых крайностей подражательности. Изменения в принципах проектирования в архитектуре, искусстве и художественной промышленности наступают в связи с экспансией из Западной Европы нового стиля в конце XIX – начале XX века и получившего в искусствоведении название «модерн» (арт-нуво, югендстиль).

Эклектическое совмещение исторических стилей в конце XIX века, с одной стороны, формирование модерна – с другой – все эти художественные реалии времени отразились и в дизайн-графике. В рекламе было распространено обращение к национальным мотивам и «русскому стилю». Развитие принципов этой попытки – поиск национального стиля в новой и заманчивой, в силу своей массовости, сфере – характерны для всех жанров и видов проектной графики. Обилие орнаментально трактованных форм, оттачивающихся от приемов подачи архитектурных проектов, часто встречаются в плакатах, буклетах, меню и прочей рекламе, особенно

в 1880–1890-х гг. Позднее в российскую рекламу активно вторгаются внешние атрибуты модерна. На проектной графике сказалося многообразие эстетических платформ в России на рубеже веков [9].

Модерн в искусстве утверждался, противопоставляя себя классицизму и эклектике, особенностью его является принцип синтеза различных видов искусств. Это художественное направление распространяется и выражается в стремлении сочетать художественные и утилитарные функции создаваемых произведений. Наиболее ярко модерн проявляется прежде всего в прикладном искусстве. Он опирался на целостность, характерную для средневекового искусства, отвергая применяемый апологетами эклектики метод – механистический принцип стилизаторства (комбинацию декоративных элементов определённого стиля), но не сам факт обращения к историческому прошлому. Модерн культивировал стилизацию на основе переосмысления средневековых артефактов.

В отличие от некоторых стран Западной Европы, формирование модерна в России не сопровождалось развернутыми социально-историческими и теоретическими обоснованиями его принципов. Констатируя общность русского модерна со многими яв-

лениями художественной культуры Запада рубежа двух столетий, современники обращали внимание и на его ясно выраженные национальные черты, рожденные общественной атмосферой русской жизни того времени и ее культурной традицией. Специфические черты проявляются и в социологической природе русского модерна, и в его духовной направленности, и в его жанровых предпочтениях [8].

Заключение

Программный феномен такого масштаба, как «русский стиль», некорректно причислять к какому-то лишь одному из существовавших стилей: эклектике, модерну или ретроспективизму. Если воспринимать «неорусский» стиль шире, не как частное внутрисклассовое течение (отклонение) от «основного» модерна, то следующим шагом станет признание «русского стиля» особым трансстилевым явлением, тесно связанным с мировоззрением и социо-культурными процессами в обществе в XIX – начале XX в. «Русский стиль» является частью господствующего стиля времени, но не исчерпывает его. Народность – вот краеугольный камень, лежащий в основании этого всеохватывающего для отечественной культуры явления.

Литература

1. Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. – М.: Издательство «Галарт»; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. – 432 с.
2. Кириченко Е. И. Романтизм и историзм в русской архитектуре XIX века (К вопросу о двух фазах развития эклектики) // Архитектурное наследие. Вып. 36. Русская архитектура / ВНИИ теории архитектуры и градостроительства; под ред. Н. Ф. Гуляницкого. – М.: Стройиздат, 1988. – С. 130–143.
3. Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 576 с.
4. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Искусство, 1982. – 400 с.
5. Кириченко Е. И. Архитектор И. П. Ропет. // Архитектурное наследие. Вып. 20. – М.: Стройиздат, 1972. – С. 85–93.
6. Кириченко Е. И. Архитектор В. О. Шервуд и его теоретические воззрения // Архитектурное наследие. Вып. 22. – М.: Стройиздат, 1974. – С. 3–18.
7. Савельев Ю. П. Н. В. Султанов: Теория и практика Русского стиля. // Академик Императорской Академии художеств Н. В. Глоба и Строгановское училище / [отв. ред. Т. Л. Астраханцева] / НИИ теории и истории изобразит. искусств РАХ, МГХПА им. С. Г. Строганова. – М.: Индрик, 2012. – С. 49–68.
8. Борисова Е. А., Стернин Г. Ю. Русский модерн. Альбом. – М.: Галарт, 1990. – 360 с.
9. Глинтерник Э. М. Историческое самоопределение графического дизайна в проектной культуре России (1880–1980-е гг.): автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора искусствоведения – СПб., 2001. – 49 с.

References

1. Kirichenko E. I. Russian style. Investigatio expressio gentibus. Nationis studio et ethnicity. Latine veterum traditionum vulgares es tu XVIII – diluculo XX century. [Russian style. The search for the expression of national identity. Nationalism and ethnicity. The traditions of ancient folk art and Russian art XVIII-early XX century] – М.: Publishing House «Galart»; LLC «Publishing ACT Ltd», 1997, 432 p.
2. Kirichenko E. I. Romanticism et historicismi opinionibus in Russian architectura XIX century (eventum duo augmenta progressum voce eclecticismi nuncupatur). // Architectural hereditas. Vol. 36. Russian architecture / Institutum Theoria Architecture et Urban congrue; Ed. N. F. Gulyanitsky. [Romanticism and historicism in Russian architecture of the XIX century (the issue of the two phases of development of eclecticism). // Architectural heritage. Vol. 36. Russian architecture / Institute of Theory of Architecture and Urban Planning; Ed. N. F. Gulyanitsky] – М.: Stroyizdat, 1988. – 255 p. – S. 130 – 143.
3. Homyakov D. A. Orthodoxy. Autocracy. Vulgares / Sostavlenie coniuncta. Art., Notis Illustr nominal Dictionary AD Caplin / Editor. Ed. O. A. Platonov [Orthodoxy. Autocracy. Folk / Sostavlenie, joined. Art., notes, nominal Dictionary A.D. Caplin / Editor. Ed. O.A. Platonov] – М.: Institute of Russian civilization, 2011. – 576 p.
4. Kirichenko E. I. Russian architecture 1830 – 1910 s. [Russian architecture 1830 – 1910s. – Ed. 2nd, rev. and add] – М.: Art, 1982. – 400 p.
5. Kirichenko E. I. Architect I. P. Ropet. // Architectural hereditas. Vol. 20. [Architect IP Ropet. // Architectural heritage. Vol. 20] – М.: Stroyizdat 1972 – S.85– 93.
6. Kirichenko E. I. Architectus V. O. Sherwood et speculativa vozreniya // Architectural hereditas. Vol. 22. [Sherwood and his theoretical points of view. // Architectural heritage. Vol. 22] – М.: Stroyizdat, 1974. – S.3 – 18.
7. Saveliev Y. R. N. V. Sultanov: Opera Exercitationis genus Russian. // Academician Imperial Academia Artium et N. V. Globa Stroganov uchilische / [Ed. Ed. TL Astrakhantseva] / Institutum Theoria et historia pertrahe Arts Arts, MGHPA eos. S. G. Stroganov. [Theory and practice of the Russian style // Academician of the Imperial Academy of Arts Globa and Stroganov school // [editor Astrahantseva] / S. G. Stroganov Research Art Institute of theory and history] – М.: Indrick, 2012. – P. 49 – 68.
8. Borisov EA, G. Yu Sternin Russian Nouveau Art. Album. [Sternin Russian Art Nouveau. Album] – М.: Galart, 1990. – 360 p.
9. Glinernik E. M. historiae culturaeque quantum ad determinationem design Russia (1880–1980-ies.) // Pro gradu doctoratus, summisque in abstracto dissertationum artium [historical determination of graphic design in the design culture of Russia (1880–1980-ies.) // Abstract of the thesis for the degree of Doctor of Arts] – St. Petersburg: 2001 – 49 p.

Черных Д. Г.

доцент, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, г. С.-Петербург.
E-mail: koreytcenin@rambler.ru

Chernyh D. G.

Docent, South Ural State University, Chelyabinsk, postgraduate student, St. Petersburg State University of Technology and Design, St. Petersburg. E-mail: koreytcenin@rambler.ru

Поступила в редакцию 13.12.2015

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ МОНОГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье приводится комплексная оценка природы проблем моногородов. Рассматриваются сложные взаимообусловленные связи моногорода, образующие каркас, узлами которого выступают структурно-функциональные элементы, отражающие миссию, цель и характер существования городской системы, а также влияющие на ее рост и развитие. Инструментом, обеспечивающим анализ отдельных компонентов системы и не нарушающим целостности представления их в иерархической зависимости, является системный подход. Системный подход представляет собой форму приложения теории познания и диалектики к исследованию процессов городского развития. Представление моногорода как системы ставит задачу сформулировать его миссию и положение в системе расселения, изучить морфологию и функциональную направленность, определить количественные и качественные показатели структурных компонентов, т. е. ресурсов его развития, а также отразить характер и принципы связей с внешней средой. В статье рассматриваются общие свойства и принципы организации моногорода как системы, раскрывается смысл концепции «динамического равновесия» в условиях интенсивно изменяющейся среды и попытка ее отражения в проблемных территориях. Несмотря на обширность подсистем города в рамках исследования выделяются следующие: экономические, социальные, экологические, информационно-коммуникационные, градостроительные и организационно-управленческие. В каждой подсистеме выявляется характерная особенность – устойчивая константа, определяющая инерционность и детерминированность процессов развития городской системы, а также определяются причины естественно-исторической, административно-политической и архитектурно-планировочной зависимости развития моногорода. Отражается общий сценарий преобразования городских подсистем путем обновления их целей и выявления потенциально прогрессивных внутривидовых связей при переходе на новую постиндустриальную модель общественного развития. Приводится сложившаяся структура взаимодействия подсистем в плоскости города и в иерархии систем верхних уровней, характеризующаяся принципами моноцентричности и консервативности, а также отличающаяся чертами циклического развития и локальной устойчивости при отсутствии интенсивного внешнего воздействия, либо его исключения. Роль градостроительного и организационно-управленческого аспекта рассматривается в рамках стратегического территориального планирования и координации процессов стабилизации ситуации в моногородах и их посткризисного развития.

Ключевые слова: системный подход, моногород, городская система, устойчивое развитие, Челябинская область.

SYSTEMATIC APPROACH TO THE STUDY OF MONOCITIES (ON THE EXAMPLE OF CHELYABINSK REGION)

This article provides a comprehensive look at the nature of the problems of monocities. Considers complex interdependent context of company towns, form the framework, the nodes of which are structural and functional elements that reflect the mission, purpose, and nature of the existence of the urban system and also affect its growth and development. Tool for analysis of individual components of the system and does not violate the integrity of their representation in the hierarchical dependency, is a systematic approach. Systematic approach is a form of application of the theory of knowledge and dialectics to the study of urban development processes. The view of towns as systems seeks to formulate its mission and position in the settlement system, to study the morphology and functional orientation, to determine quantitative and qualitative indicators of the structural components, i.e. resources, its development, and to reflect the nature and principles of relations with the external environment. General properties and principles of organization of monocity as systems are examined in the article, sense of conception opens up "dynamic equilibrium" in the conditions of intensively changing environment and attempt of her reflection in problem territories. Despite various subsystems of the city as part of the research allocations are the following: economic, social, environmental, information and communications, urban planning and organizational management. In each subsystem shows a characteristic feature, a steady constant that determines the inertia and determinism of the development process monocentric urban system. In every subsystem a characteristic feature comes to light is a steady constant, qualificatory an inertance and determinedness of processes of development of the municipal system, and also reasons of historical, administrative-political to an architectonically-plan dependence of development of monocity. The general scenario of transformation of municipal subsystems is reflected by updating of their aims and exposure potentially of progressive intrastructural connections in transition on the new postindustrial model of community development. A laying down structure over of cooperation of subsystems is brought inplane city and in the hierarchy of the systems of top levels, being characterized principles of monocentric and conservatism, and also different the lines of cyclic development and local stability in default of intensive external influence, or his exception. The role of town-planning and organizational and administrative aspect is examined within the framework of the strategic territorial planning and co-ordination of processes of stabilizing of situation in monocities and their post-crisis development.

Keywords: system approach, monociti, city system, sustainable development, Chelyabinsk region.

Современный подход в решении проблем городов обусловлен социально-экономическими преобразованиями, инновационным воздействием на все сферы жизни горожан, модернизацией средств производства и инженерно-технических систем жизнедеятельности города. Интенсивные внутригородские, региональные и межнациональные динамические связи между социальными, экономическими, градостроительными и другими компонентами территориальных систем приобретают комплексные принципы междисциплинарного взаимодействия.

Исследованием проблем моногородов занимаются представители таких областей знания, как экономика, социология, экология, социально-экономическая география, градостроительство, геоурбанистика, градостроительный менеджмент и маркетинг и другие. Важно выявить особенности экономического спада, территориальной организации населения и хозяйства, а также их функционально-типологический профиль, особенности социокультурных изменений, демографические показатели и баланс иррациональных начал в поведении жителей города, интере-

сов и мотиваций, обусловленных возможностями городской системы.

Исследование отдельных структурных компонентов городской системы показало, что существует их тесная взаимосвязь в вопросах городского развития. Связующим научным инструментом, отражающим комплексность проблемы, является системный подход.

Ценность системного подхода заключается в рассмотрении категорий системы с точки зрения логического и последовательного подхода в установлении внутренних и внешних связей элементов между собой и со средой, в том числе и в историческом срезе, установлении причинно-следственных связей структурных элементов и их особенностей к самоорганизации и саморазвитию. Системное исследование сложноорганизованного объекта позволяет вскрыть системный эффект, состоящий в том, что отдельные его части могут иметь иной тип поведения, нежели сам объект. Хотя и отдельные части зачастую на разных этапах взаимосуществования способны приобретать полярные позиции. В методологии процесса познания системный подход можно охарактеризовать по ряду основополагающих признаков: анализ системы и ее структурных частей; выявление закономерностей и принципов развития компонентов системы во времени и пространстве; выявление неявных связей как потенциалов развития системы; способность к самоорганизации и саморазвитию.

Рассматривая объекты как систему, необходимо выявить их общие свойства: единство, целостность, динамичность, взаимозависимость системы и среды, иерархичность, композиция или структурное разнообразие.

Системный анализ исследования базируется на структурно-функциональных, морфологических, коммуникативных, синергетических и ретроспективных принципах организации моногорода как системы. Структурно-функциональный принцип основан на описании функциональной специализации и цели существования городской системы, особенностях функционирования отдельных компонентов и их роли в целостности центрального объекта. Морфологический принцип рассматривает систему как множество ее составных частей, т. е. изучает ее строение. Принцип коммуникации ориентирован на установление взаимосвязи системы с другими в иерархической соподчиненности и «сотрудничестве». Синергетика исследует особенности динамического нелинейного процесса развития города и закономерности

возникающих внутренних и внешних связей. Ретроспективный принцип заключается в рассмотрении городской системы на разных временных рубежах в разных аспектах существования.

Таким образом, моногород в структуре системного подхода выступает как сложный комплекс материальных и нематериальных объектов, а также их формирующих, управляющих и взаимодействующих особым способом подсистем, сконцентрированных на локальной территории, где при общей целостности отсутствует принцип «динамического равновесия» системы [1]. По А. А. Богданову равновесной является та из них, которая сохраняет свое строение в данной среде. Поскольку среда постоянно изменяется, то комплекс может устойчиво существовать и развиваться только тесно взаимодействуя с ней. Отсутствие равновесия в моногородах обусловлено качественным обновлением внешней и сохранением консервативных принципов развития внутренней среды. Такое взаимодействие А. А. Богданов характеризует как консервативный и прогрессивный отбор. Равновесное состояние системы нужно рассматривать не как раз и навсегда заданное, а как «динамическое» или «подвижное» равновесие. Оно выступает как постоянное взаимодействие прогрессивно развивающейся системы с окружающей средой, приводящее со временем к ее неравновесности и последующей неустойчивости (кризису), очередной структурной перестройке, создающей новую устойчивость и новое состояние равновесия на более высоком витке его дальнейшего развития [1].

В статье акцентируются только принципы структурно-функциональной и морфологической организации моногорода как городской системы, устанавливается характер внутренних связей градоформирующих факторов и определяется, насколько они отвечают современным требованиям городского развития.

В экономической подсистеме моногород интересует исследователя прежде всего комплексом функционально-отраслевой структуры хозяйства и ролью в территориальной системе расселения и хозяйства. Экономической базой моногорода принято считать градообразующее предприятие, которое выполняет ведущую роль в градоформировании и определяет характерную для моногорода систему связей (рис. 1). Экономика города делится на экспортный (базовый) и местный (небазовый) секторы. Экспортный, или базовый, сектор производит товары и услуги,

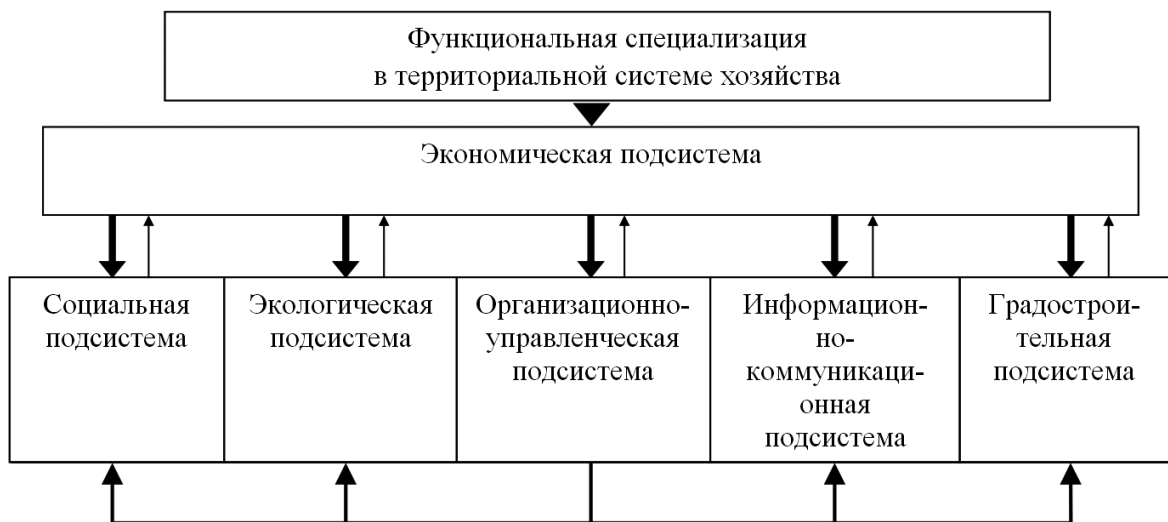

Рис. 1. Схема функциональной организации подсистем монофункционального города

уходящие на экспорт за пределы города. Он обеспечивает реализацию внешних функций. Местный, или небазовый, сектор обслуживает внутренние потребности территории и жителей, то есть реализует внутренние функции. Причем нельзя недооценивать роль местного сектора производства как фактора роста городской экономики. Наиболее яркий пример моноцентризма представляет экономическая структура г. Нязепетровска (ООО «Литейно-механический завод»), г. Карабаш (ЗАО «Карабашмедь») и г. Пласта (ЗАО «Южуралзолото» и Уральская золотодобывающая компания), г. Сатки (ОАО «Комбинат Магnezит»), г. Бакала (ОАО «Бакальское рудоуправление»), г. Усть-Катава (ФГУП «Усть-Катавский вагоностроительный завод имени С. М. Кирова»), г. Сима (ОАО «Агрегат») (рис. 2).

Модель городской системы в современных условиях может иметь следующий принцип: сохранение исторической преемственности хозяйственной деятельности с усовершенствованием средств производства и усложнением технологической линии; утрату традиционной отрасли региона в обмен на расширение сектора сферы услуг и кооперацию предприятий в перспективных сегментах рынка в рамках региональных кластеров; депрессивное существование территориальной единицы в условиях борьбы за качественные и количественные ресурсы.

Социальная подсистема. Сообщество жителей в моногородах – это особая субкультура, рожденная в экономических условиях индустриального подъема и исторической преемственности традиционного индустриального уклада жизни.

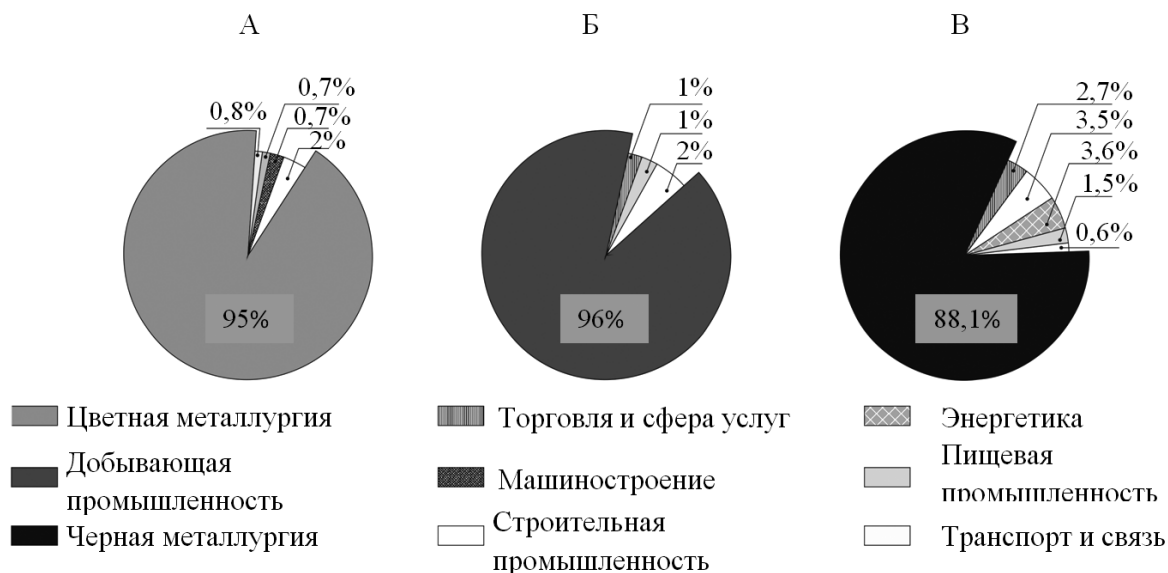

Рис. 2. Пример моноспециализации в отраслевой структуре хозяйства:
 А – город Карабаш; Б – город Пласт; В – город Сатка

Компактность организации моногорода с сердцевинной в виде градообразующего предприятия формирует особое отношение жителя к миру – через призму первичности производства и вторичности личности, призванной обслуживать данное производство.

Помимо экономического кризиса в моногородах находят место и демографический кризис. В моногородах Челябинской области отмечается убыль населения в Златоусте, Нязепетровске, Карабаше, Сатке, Бакале, Аше, Симе, Миньяре, В. Уфалее. Например, в Златоусте численность населения за последнее десятилетие сократилась на 30 тыс. человек, а Карабаше – на 4,5 тыс. человек. В то же время парадоксальная демографическая ситуация отмечается в г. Миассе: несмотря на монозависимость, за последние 3 года там отмечается прирост населения. Социальный дисбаланс в моногородах объясняется доминирующей ролью градообразующего предприятия или группы предприятий в жизни горожан, их благополучии и культуре. Вековой уклад ведущей индустриальной направленности на социальные ориентиры сформировал особую систему ценностей и быта и послужил основой сложившейся «заводской» культуры жителей моногорода.

Экологическая подсистема базируется на комплексном сочетании экономического и социального факторов во взаимосвязи с природной средой, их согласии и противоречии на разных стадиях развития моногорода. К основным экологическим проблемам моногородов следует отнести: нарушение природных ландшафтов вследствие разработки месторождений сырья и агропромышленной деятельности; атмосферное, почвенное и водное загрязнения; высокий радиационный фон; утилизация промышленных и бытовых отходов. Кроме того, отмечаются проблемы градоэкологического взаимодействия: отсутствие компактности и значительная протяженность площадок производственных образований, в том числе входящих в их состав объектов производственной инфраструктуры; экологический диссонанс связи «жилье – производство», характеризующийся отсутствием нормативного санитарного разрыва; расплывание планировочной структуры города вследствие потребности жителей в комфортных условиях проживания и возрастающей мобильности; неразвитость системы общественных пространств.

По данным космических наблюдений, основные загрязнённые тяжёлыми металлами территории находятся вокруг Челябинска и Магнитогорска. Далее следуют зоны рядом

с городами Сатка, Бакал, Коркино, Еманжелинск. В целом 52% территории Челябинской области загрязнено отходами производства, что объясняется деятельностью предприятий чёрной и цветной металлургии, горнодобывающей и угольной промышленности. К этому можно добавить множество карьеров и отвалов в окрестностях городов Сатки, Верхнего Уфалея, Копейска, Коркино, Еманжелинска, Пласта.

Важным направлением оздоровления среды города является соблюдение баланса в отношениях между освоенными и естественными территориями, установление нормативов потребной одному человеку, городу или стране территории и ресурсов [3].

Информационно-коммуникационная подсистема для развития моногородов становится определяющей в условиях кризиса. Линейка зависимости «человек – информация – инфраструктура» показывает возможности городской системы с точки зрения качества информационно-коммуникационных возможностей.

В большинстве своем жители моногородов – это «потребители места», в то время как представители крупнейших административных центров региона – созидатели, реализующие частные инициативы и влияющие на развитие города и городской среды. В них более разнообразный качественный социум, больше внутренних противоречий, более сложной, как у любого развивающегося организма, должна быть система согласования интересов и развитая инфраструктура, включающая транспортные, информационные и сетевые коммуникации для передачи информации, обмена идеями и связи сообщества с внешним миром. Яркий пример – значение федеральной трассы М-5 для г. Юрюзань. Вследствие упадка машиностроительной отрасли и отсутствия альтернативных мест приложения труда внешняя коммуникация стала ядром экономической активности горожан, преимущественное развитие получила торговля.

Градостроительная подсистема ориентирована не только на территориальную локализацию и материально-техническое обеспечение процессов жизнедеятельности, на закрепление в «геометрии» пространства социальных процессов [4], но и непосредственно влияет на размещение производительных сил, анализ ресурсов для производства и потребления, структуру культурно-бытовых, производственных, рекреационных, трудовых связей. Градостроительная деятельность в моногородах обоснована социально-экономическими, экологическими, демографи-

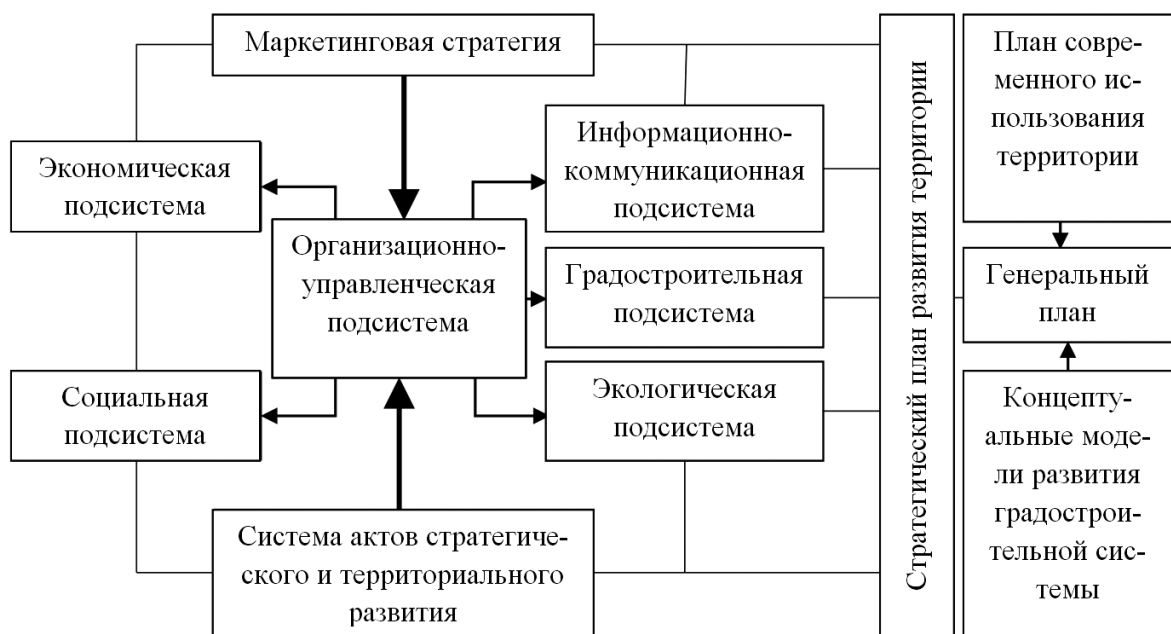

Рис. 3. Схема оптимизации структурно-функционального взаимодействия основных подсистем монофункционального города

ческими, историко-культурными, природными факторами и встраивается в систему реализации стратегий развития территориальных единиц федерального, регионального и муниципального уровней.

Стратегическим направлением качественных градостроительных преобразований моногородов является улучшение характеристик материально-пространственной среды, включая функциональную, экологическую и эстетическую составляющие, а также модернизацию инфраструктуры и информационно-коммуникационных систем. Возрастание роли историко-культурного и природного потенциала в градостроительных системах связано с формированием уникального облика города и привлечением туристов. Формирование устойчивости градостроительных систем должно строиться путем комплексного развития городских и пригородных территорий, их социальной, производственной, транспортной и инженерно-технической инфраструктуры, сбалансированного соотношения урбанизированных и природных компонентов среды [2].

В отношении развития градостроительных систем уместнее использовать термины «градостроительное прогнозирование», «градостроительное планирование», «градостроительное регулирование». Под градостроительным прогнозированием понимается научно-проектная деятельность по предвидению предполагаемых сценариев и параметров развития градостроительных систем на основе ее движущих сил, законо-

мерностей и структуры, а также в силу ее открытости – внешнего воздействия. В сценарии предлагают полярные варианты будущего развития. Градостроительное планирование – следующий этап, когда концептуальная модель обретает цели и задачи реального существования. Определяется плановый период, точный расчет необходимых ресурсов и их обеспеченность на срок реализации плана. Результатом градостроительной деятельности по преобразованию моногородов должна послужить территориальная проектно-планировочная документация, выполненная в соответствии со стратегией инновационного развития РФ, стратегией социально-экономического развития региона и программами развития муниципалитетов. Градостроительное регулирование основано на соблюдении государственных актов и управлении процессами развития территорий. Основным документом, определяющим возможности и ограничения градостроительной деятельности, является Генеральный план поселения.

Организационно-управленческая подсистема служит базовой составляющей процессов стабилизации ситуации в моногородах (рис. 3). В системе управления существует тесная взаимосвязь между федеральными, региональными и муниципальными органами власти, которые координируют совместные действия в разработке целевых программ поддержки и вывода из кризиса моногородов и их финансирования. Роль органов местного самоуправления в моногородах сводится к двум функциям: руководство

текущей деятельностью городской системы и руководство эффективной трансформацией процессов в рамках антикризисных мер по преодолению текущей ситуации.

Организационно-управленческая деятельность органов местного самоуправления сводится к координации и синтезу деятельности городских подсистем или структур и мотивации частно-государственного партнерства.

Заключение

Системный подход к разработке модели стратегии вывода моногородов из кризиса позволяет комплексно рассмотреть функ-

циональные и морфологические свойства и принципы организации проблемной городской системы. Морфология и функциональный анализ моногорода показали основные подсистемы, влияющие на качественные и количественные изменения в городской структуре, их роль и значение в трансформациях и преобразованиях. Дальнейший вектор исследования моногородов как сложных полиструктурных развивающихся городских систем состоит в определении процессов, закономерностей и принципов их естественной самоорганизации и саморазвития, т. е. синергетическому анализу и построению синергетической модели.

Литература

1. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1 / Редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др./ Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
2. Потаев, Г. А. Градостроительство. Теория и практика: учеб. пособие / Г. А. Потаев. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. – 432 с.
3. Тетиор, А. Н. Устойчивое развитие города / А. Н. Тетиор. – М.: Упр. Мэра Москвы, Ком. по телекоммуникациям и средствам массовой информации Правительства Москвы, 1999. – 173 с.
4. Яргина, З. Н. Градостроительный анализ / З. Н. Яргина. – М.: Стройиздат, 1984. – 245 с., ил.

References

1. Bogdanov, A. A. Tektologija (Vseobshhaja organizacionnaja nauka). V 2-h kn.: Kn. 1 / Redkol. L.I. Abalkin (otv. red.) i dr./ Otd-nie jekonomiki AN SSSR. In-t jekonomiki AN SSSR. – M.: Jekonomika, 1989. – 304 p.
2. Potaev, G. A. Gradostroitel'stvo. Teorija i praktika: uchebnoe posobie / G.A. Potaev. – M.: FORUM: INFRA-M, 2014. – 432 p.
3. Tetior, A.N. Ustojchivoe razvitie goroda. / A.N. Tetior. – M.: Upr. Mjera Moskvy, Kom. po telekommunikacijam i sredstvam massovoj informacii Pravitel'stva Moskvy. 1999, – 173 p.
4. Jargina, Z. N. Gradostroitel'nyj analiz / Z.N. Jargina. – M.: Strojizdat, 1984. – 245 p.

Гундарев А. А.,

архитектор, преподаватель, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
E-mail: archicad89@mail.ru

Gundarev A. A.

architect, lecturer, South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: archicad89@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2015

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

В данной статье рассматриваются вопросы развития системы расселения в различные периоды, начиная с древнейших времен и до настоящего дня, а также определяются основные векторы развития в каждом из рассматриваемых периодов. В результате исследования составлен прогноз развития урбанизированных систем с учетом демографии, социологии, политики. Необходимость самоидентификации городов на настоящем этапе и в ближайшем будущем делает изучаемую тему актуальной для исследования и чрезвычайно полезной с практической точки зрения. Практика создания проектов генеральных планов городов и других населенных пунктов зачастую находится в глобальном разрыве с градостроительной теорией. Данное исследование – это попытка перевести теоретические изыскания в практическую плоскость. Оно будет интересно архитекторам-градостроителям, административным работникам, преподавателям вузов. Приведенные в статье статистические данные, материалы исследований различных специалистов позволяют определить перспективы ближайшего развития городов и поселений, а также ответить на вопрос, где предел роста городов. Также в статье обосновываются основные принципы и стратегические задачи развития расселенческих систем в каждый исследуемый период. В итоге в качестве основной идеи исследования автором предлагаются современная доктрина развития населенных мест, новые стратегические задачи при формировании урбанизированных комплексов. В результате анализа, а также опираясь на мнения авторитетных исследователей, в статье делается предположение о том, что на настоящий момент цивилизация находится на переходной стадии, характеризующейся прекращением процесса бурного развития и перехода в новую стабильную стадию. Демографический переход, обуславливающий эти процессы, может привести к серьезным изменениям в стратегии развития городов и населенных мест. Россия, как значимый участник глобальных процессов расселения, занимает особое место в исследовании автора. Процессы информатизации культуры, центробежные урбанистические тенденции, переосмысление градостроительных принципов уже затрагивают российскую действительность и формируют облик завтрашнего дня. По мнению автора, Россию ждет сдержанно оптимистическое будущее, при котором основной акцент будет уделен на улучшение качества жизни населения страны, развитие инфраструктуры, смещение политического вектора с развитием нерыночных методов распределения социальных благ.

Ключевые слова: демографический переход, устойчивое развитие, новая урбанистика, градостроительство, устойчивая архитектура.

Khudyakov A. Y.

STRATEGIC ISSUES OF THE URBAN COMPLEXES

The questions of development of the settlement system in different periods, from ancient times to the present day are discussed in this article, and the main vectors of development in each of these extended periods are defined. As a result of scientific research it was made

a forecast of the development of urban systems with regard to demography, sociology, and politics. The need of self-identification of cities at this stage and in the near future makes the topic relevant to research and extremely useful from a practical point of view. The practice of creating projects of General plans of cities and other human settlements are often located in the global gap with urban theory. This research is an attempt to translate theoretical findings into practical. It will be interesting to architects, city planners, administrative workers, teachers of higher school. Statistical data, used in this article, materials of research of different specialists allows to define the near-term development of cities and settlements, and to answer the question, where is the limit of cities growth. The basic principles and strategic tasks of development of the settlement systems in each study period are provided in the article. In the end, as the main idea of the research, the author proposes the modern doctrine of development of populated areas, but high strategic goals in the formation of urban complexes. As a result of the analysis, and based on the opinions of authoritative surveys of users, this paper makes the assumption that present civilization is in a transitional stage, characterized by the cessation of the process of rapid development and transition in the new stable phase. Demographic transition is implicated in these processes may lead to major changes in development strategies of cities and settlements. Russia, as a significant participant in global processes of settling, occupies a special place in the study of the author. The processes of Informatization of culture, centrifugal urban trends, rethinking urban planning principles are already affecting the Russian reality form the face of tomorrow. According to the author, Russia will face a cautiously optimistic future, in which the main emphasis will be devoted to improve the quality of life of the population, development of infrastructure, the displacement vector of the political development of non-market methods of distribution of social goods.

Keywords: *demographic transition, sustainable development, new urbanism, urban planning, sustainable architecture.*

Расселение человечества во все периоды обуславливалось доминирующими целями, важными для существования и развития. При изучении археологических, исторических исследований можно понять, каким образом развивались населенные места, какие стратегии главенствовали в каждом историческом периоде. При этом одним из главных, а может быть единственным критерием успешности развития остается рост человеческой популяции.

Одним из важнейших вопросов современного общества на настоящий момент является определение стабильных путей развития цивилизации в условиях экономических, политических, социальных флуктуаций. Успешный выбор стратегии развития на государственном и, как следствие, на местном уровне обеспечит устойчивость цивилизационной модели в долгосрочной перспективе.

С. П. Капица в своих исследованиях пишет, что человечество ныне проходит критическую эпоху смены парадигм развития, никогда прежде не переживавшуюся. Некоторые историки провозгласили конец истории; другие – переход к постиндустриаль-

ному развитию. Однако происходящий переход знаменует конец обширной эпохи при глубоком изменении параметров развития человечества. Критические же годы перехода, свидетелями и участниками которых мы стали, оказались сжатыми в исключительно короткие сроки [1].

История развития человечества может быть описана как система взаимодействий между различными факторами, влияющими на жизнедеятельность человеческих групп и отдельных людей. Базируясь на археологической классификации [2], а также на изучении особенностей культурной и социальной организации сообществ, можно выделить основные стратегические развития систем расселения.

Древнейшее время, эпоха каменного века прежде всего характеризуются утверждением человечества, как вида на планете. Главной стратегической задачей того времени представляется противоборство с природой с целью выживания в малоприспособленном мире. Основой существования того периода являлось первичное формирование примитивных сообществ, что позволяло получать

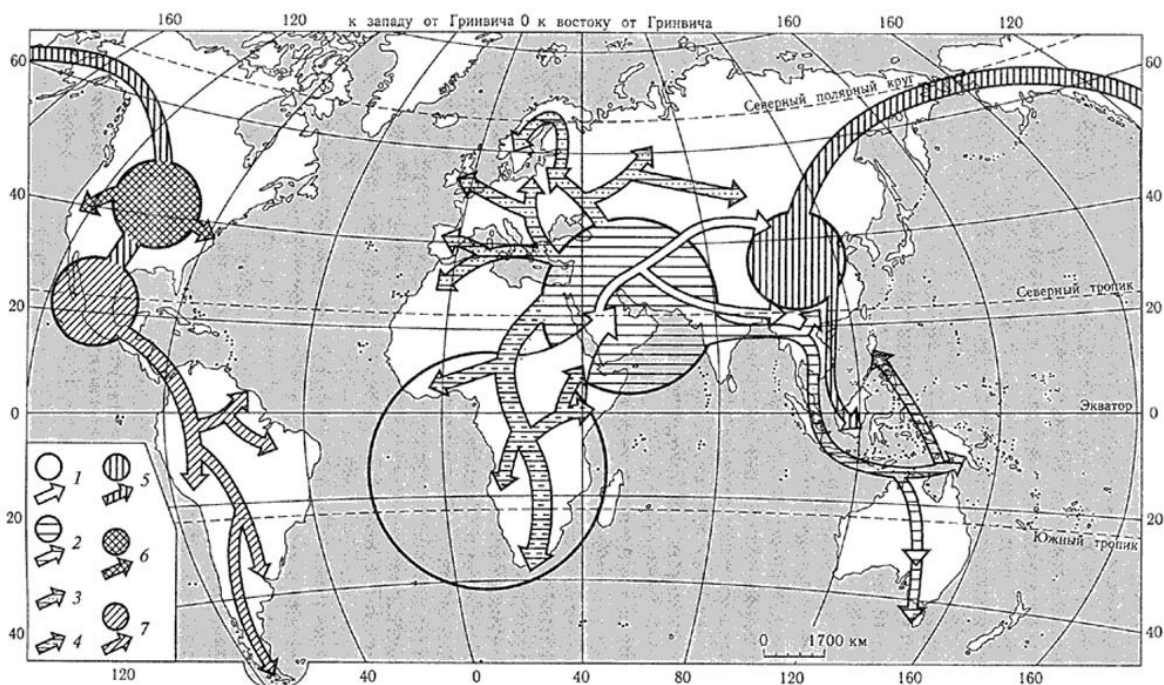

Рис.1. Расселение человечества, начиная от 100 000 лет тому назад

преимущество в развитии, а также адаптация под места проживания территорий с наибольшим количеством пищи, более мягким климатом (рис. 1).

По мере смягчения климата ареал расселения древних людей расширяется с постепенным приростом населения. В этот период основным фактором, влияющим на расселение человечества, является выбор оптимальной территории для проживания.

Дальнейшее развитие цивилизации в эпоху бронзы характеризуется прежде всего совершенствованием технологии и социальной организации. Ареалы обитания человечества закрепляются, появляются первые протогосударства. В результате расширяются границы присутствия человека. Противоборство с природой постепенно переходит на качественно новый уровень. Кроме непосредственных задач выживания, перед человеком встает ряд задач социального плана. Сообщество приобретает самостоятельное значение в стратегии формирования приоритетов развития человечества. По мере увеличения численности населения формируются различные культуры, возникает борьба за обладание ресурсами, которые приводят к новым формам расселения. Если в период каменного века основным местом проживания являются пещерные поселения и стоянки, то в эпоху бронзы концентрация населения увеличивается, появляются города, крепости, укрепленные поселки и стоянки. Человече-

ство входит в эру активного взаимодействия с природой.

Концентрация людских, производственных, культурных ресурсов позволяет человечеству активно влиять на окружающую среду. Многие опасные факторы перестают быть актуальными. Однако цивилизационное развитие приводит к появлению новых вызовов для человечества. По мере развития общества стратегия выживания во враждебно настроенном природном окружении вытесняется необходимостью выдерживать конкуренцию в противоборстве социальных сообществ.

Рост количества населения в математическом выражении происходил линейно до момента качественного перехода демографических процессов к гиперболической зависимости приблизительно в начале железного века. Большинство исследователей связывают экспоненциальный характер развития человечества с синергическим эффектом пересечения культур (рис. 2). Провалы развития соответствуют этапам борьбы человечества с природными (эпидемии, стихийные бедствия) и социальными (война) катаклизмами.

Периоды развития человечества имеют четкую циклическую закономерность, которая укладывается в общий график, выраженный математической моделью.

Каменные орудия и технологии их изготовления, секреты обработки железа и бронзы, распространяются с необыкновен-

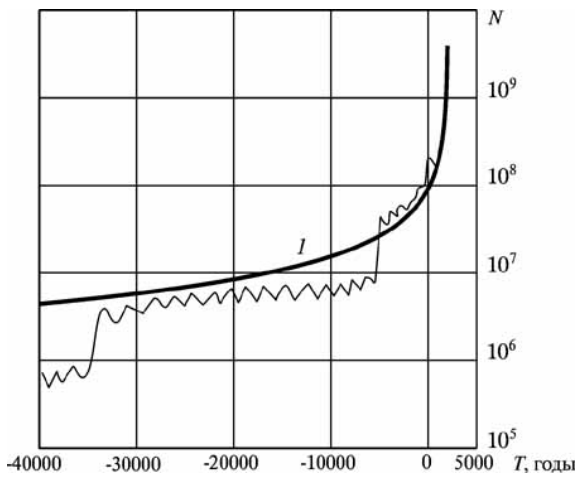

Рис.2. Рост населения мира начиная от 40000 лет тому назад [3]

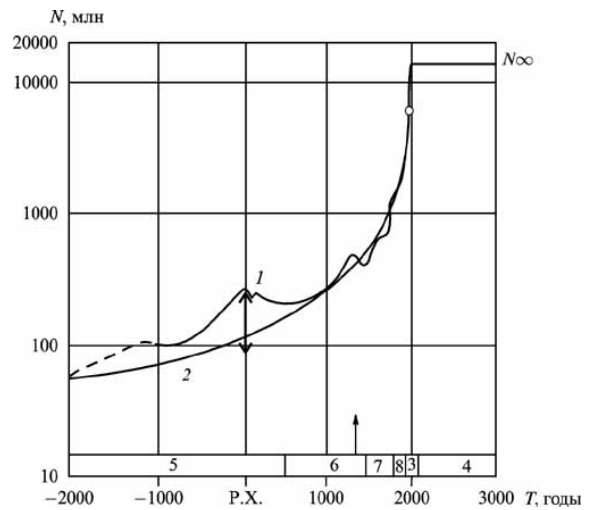

Рис.3. Население мира от 2000 г. до н.э. до 3000 г. [3]

ной одновременностью по всей Евразии. Синхронность индустрий, проявляющаяся на колоссальных пространствах и временах, становится доказательством системности информационного и технологического поведения человечества [1].

Эпоха железного века наиболее ярко демонстрирует характер сокращения временных промежутков цикличности развития цивилизации. С окончанием эпохи Средневековья цивилизация входит в индустриальную эпоху, характерными чертами которой являются резкий экспоненциальный рост численности населения, увеличение количества городов, повышение степени урбанизации территорий. Противоречия между социальными и политическими моделями усиливаются, города становятся безусловным аттрактором для населения. Процент населения, живущего в городах, неуклонно растет. Вместе с тем снижается зависимость человека от природных факторов, мало того, человек сам становится источником опасности для природного окружения.

К концу 2-го тысячелетия, по мнению многих социологов, человечество вступило в постиндустриальную эпоху. Характерной чертой постиндустриального общества является установление приоритета науки и информации над технологией и реальным производством. При этом общество развивается неравномерно, в частности, падает процент занятых в реальном секторе экономики, и растет количество работников в информационном секторе. Демографическая статистика при этом фиксирует общий рост численности населения планеты.

Для того чтобы прогнозировать развитие цивилизации, необходимо прежде всего, ответить на вопрос: каков же предел роста численности населения Земли?

Математические модели и исследования С. П. Капицы и Н. Д. Кондратьева дают вполне определенный ответ на этот вопрос. Исходя из количественных показателей, возможно составить прогноз развития систем расселения, при условии учета местных особенностей.

По результатам исследований и математического моделирования, предложенного Ю. В. Яковцом [4], прогноз развития численности населения выражен в графике, представленном на рис. 3.

Для осмысления текущей ситуации и прогнозирования необходимо обратить внимание на участок № 3 по шкале летосчисления, участок, который иллюстрирует период демографического перехода.

Образ все более быстрого и безудержного роста, если его наивно экстраполировать в будущее, приводит к тревожным прогнозам и даже апокалиптическим сценариям для глобального будущего человечества [1, 5]. Демографические данные свидетельствуют о том, что в результате интенсивного роста населения планеты график роста устремится вверх до бесконечных величин, однако эта перспектива видится сомнительной. Многие исследователи считают, что большинство развитых стран вошли в эпоху демографического перехода – этапа развития, характеризующегося снижением уровня рождаемости и стабилизации численности населения. Развивающиеся страны, за счет которых происходит основной прирост населения планеты,

Таблица 1. Характеристики демографического перехода [1]

Страна	Год начала	Год конца	Длительность	M
Франция	1785	1970	185	1,62
Швеция	1810	1960	150	3,83
Германия	1876	1965	89	2,11
СССР	1895	1965	70	2,05
Индия	1920	2010	90	3,67
Мексика	1920	2000	80	2,95
Китай	1930	2000	70	2,46
Египет	1946	2010	64	3,88
Расчет для мира	1960	2050	90	3,00

в ближайшее время достигнут этого этапа развития и в них также замедлится рост численности населения. Стабилизация численности населения Земли по разным оценкам произойдет в срок от 15 до 100 лет, что ознаменует окончание нынешнего, постиндустриального этапа развития. «При вхождении в эпоху глобального демографического перехода мы больше уже не можем следовать прежнему нарастающему темпу развития, и в настоящее время автотомодельное развитие человечества нарушилось. Фигурально выражаясь, поезд истории теперь достиг предельной скорости, скорости, при которой вагоны сходят с рельс гиперболического роста, а состав поезда разрывается. В это же время с новой силой стали проявляться процессы глобализации, и человечество обретает единство, которое ранее было скрыто индивидуальными чертами исторического развития народов. Недаром демографический взрыв сопровождается информационным взрывом, каким, например, стал Интернет как глобальная форма реализации сознания человечества» [1].

Совершенно очевидно, что развитие человечества в самое ближайшее время потребует совершенно новых стратегий по обустройству населенных мест. Уже сейчас заметны накапливающиеся противоречия, возникающие при центростремительном эффекте роста городов и агломераций. С одной стороны, города сейчас как никогда предоставляют человеку возможность реализовать свои потребности, с другой стороны, компактное проживание все в большей степени накладывает социальные, иногда моральные ограничения на жителей.

Процесс совместного проживания в Средние века и до недавнего времени регулировался этическими нормами различных религий, ограничивавших агрессивное антисоциальное поведение индивидуумов. На настоящий момент плотность проживания увеличивается, как и количество потенциальных

точек пересечения личных интересов внутри социума. Наступает эра толерантности, которая предопределена демографическими и, как следствие, социальными процессами.

Какое же место занимает Россия в глобальном мировом процессе? В соответствии с исследованиями Шене в его монографии «Демографический переход. Его стадии, типы и экономические последствия» СССР вышел из периода демографического перехода в середине 60-х годов XX столетия (табл. 1).

Следуя математической логике, Россия, как наибольшая из составных частей бывшего Советского Союза, так же вошла в этап демографической стабильности. Черты будущего состояния населения мира можно увидеть в тех процессах, которые уже происходят в странах, прошедших через демографический переход. Если переход сопровождается распадом исторически сложившихся структур, то в будущем возможно появление новых форм самоорганизации. Основной вопрос состоит в переходе от количественного к качественному росту, где всевозрастающая роль будет принадлежать информационной составляющей взаимодействия, ответственного, как и в прошлом, за развитие [1].

Если в прошлом все выражалось в количественном росте, причем росте во всех направлениях – числе детей, питании, потреблении, вооруженности, то в новых условиях при стабилизации численности населения критерием развития, по-видимому, станет качество жизни во всех измерениях [1].

Однако не стоит забывать, что процесс демографического развития еще не завершен. Приблизительный срок окончания периода демографического перехода датируется 2050 годом, а пик пришелся на 2005 год. По прогнозам С. П. Капицы, через 35 лет численность населения Земли достигнет 12–13 млрд и на долгое время стабилизируется на этом уровне. Приблизительно таких же выводов придерживался Н. Музелис, автор

концепции многообразия. Соответственно давление на страны со стабилизировавшимся ростом численности населения усилится за счет потока эмигрантов из стран, находящихся на этапе демографического взрыва.

На момент создания С. П. Капицей труда об исследовании численности населения на Земле в 1999 году Европа еще не столкнулась с кризисной ситуацией, связанной с эмиграцией из стран Ближнего Востока и Африки. Однако сегодняшняя ситуация подтверждает математические модели, связанные с теорией демографического перехода. Собственно развитие демографической ситуации в России в основном укладывается в рамки сдержанно оптимистического прогноза, составленного 20 лет назад (прогнозировалась убыль населения от 2 по оптимистическому до 32 млн по пессимистическому прогнозу) и достигнет 8–10 % от уровня 1995 года к 2025 году.

И все же с ростом популяции Земли естественно продолжится рост населения городов. Исходя из математического прогноза, численность самого крупного города на Земле к 2050 году может превысить 40 млн. Так же можно предположить, что в среднем численность городов может увеличиться в 2–2,5 раза. Однако некоторые ограничения на это предположение накладывает геополитическая ситуация. К примеру, рост численности европейских городов на настоящий момент серьезно сдерживается за счет политики государства и муниципалитетов. В этой связи можно заметить противоречие между мировой тенденцией и ситуацией в России. С одной стороны, последствия глобального мирового демографического перехода ока-

жут серьезное влияние на развитие городов Африки, Ближнего Востока, Азии, Европы, Южной Америки, с другой стороны эти процессы заметно сдерживаются на социальном и политическом уровне в Российской Федерации. В любом случае города будут развиваться по новым законам и, соответственно, устойчивость их развития будет основана на новых стратегиях.

Исходя из оптимистического прогноза развития человечества в рамках постиндустриальной цивилизационной модели, можно сформулировать основные стратегии развития населенных мест:

- рост городов и дальнейшая урбанизация приведет к востребованности территорий вблизи с существующими населенными пунктами;
- города будут иметь сложную структуру, основанную на управлении информацией, как основным экономическим драйвером;
- приоритетными направлениями в развитии урбанизированных территорий станут услуги, направленные на удовлетворение материальных и нематериальных потребностей населения;
- в перспективе снизится роль индустриализации как основного градообразующего фактора, на смену ему придет нематериальное производство и потребление;
- распространение информационных технологий позволит «отвязать» работника от предприятия и предоставит возможность осуществлять контроль за производством продукта дистанционно, соответственно производственные территории в полной мере могут оторваться от мест проживания;

Рис. 4. Город будущего [6]

• свобода размещения трудовых ресурсов в постиндустриальной экономике приведет к снижению и ограничению плотности расселения за счет более равномерного распределения по территориям и, как следствие, улучшению экологической обстановки;

• повышенная информационная активность индивидуумов приведет к формированию основы для контроля обществом социальных, экономических, экологических аспектов развития.

В результате смены вектора социального развития человеческая цивилизация может вступить в эру новой урбанистики, основной

задачей которой будет решение социальных вопросов в увязке с экологическим окружением.

Заключение

Демография, статистика и математическое моделирование в современных условиях могут стать серьезным помощником для архитекторов, градостроителей при формировании облика городов будущего. Глобальные задачи устойчивого развития становятся все более актуальными как на этапе концептуального проектирования, так и в реальной проектной практике.

Литература

1. Капица С. П. «Сколько людей жило, живет и будет жить на земле. Очерк теории роста человечества». М. 1999.
2. Першиц А. И., Монгайт А. П., Алексеев В. П. История первобытного общества: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. шк., 1982.— 223 с., ил.
3. Biraben J. N. Essai sur l'évolution du nombre des hommes// Population. 1979. N 1.
4. Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1997.
5. Ehrlich A., Ehrlich P. The Population Explosion. L.: Arrow Books, 1991.
6. <http://www.graphiconart.com>

References

1. Kapitsa S.P. «Skolko lyudey zhilo, zhivet i budet zhit na zemle. Ocherk teorii rosta chelovechestva.»/M. 1999
2. Pershits A. I., Mongayt A. P., Alekseev V. P. Istoriya pervobyitnogo obschestva: Uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Vyissh. shkola, 1982.— 223 s., il. 75 k.
3. Biraben J.N. Essai sur l'évolution du nombre des hommes// Population. 1979. N1.
4. Yakovets Yu.V. Istoriya tsivilizatsiy. M., 1997
5. Ehrlich A., Ehrlich P. The Population Explosion. L.: Arrow Books, 1991.
6. <http://www.graphiconart.com>

Худяков А. Ю.,

старший преподаватель, Южно-Уральский государственный университет, директор ООО «Архиком», г. Челябинск, E-mail: hoodojnik@mail.ru

Khudyakov A. Y.,

lecturer, South Ural State University, Director of «Archicom», Chelyabinsk, E-mail: hoodojnik@mail.ru

Поступила в редакцию 20.12.2015

Перов Ф. В.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТИПОЛОГИИ ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ С УЧЕТОМ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ СЛОЖИВШЕЙСЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

При рассмотрении общих тенденций строительства современных жилых и общественных зданий становится очевидным, что необходим системный анализ, позволяющий разобраться в вопросах, связанных с идентификацией городской среды для проживающих в ней людей. Для определения тенденций развития типологии жилой застройки следует провести исследование примеров международной практики, которые позволили бы сделать выводы о подходах к проектированию в городах, имеющих многолетнюю традицию эволюционного развития. В качестве примера был взят опыт проектирования исторических городов Италии – страны с огромным культурным наследием, уделяющей большое внимание деликатному сохранению традиций образа жизни населения, где практически решены две основные проблемы: отработано законодательство, которое определяет жесткие требования к новому строительству в исторических городах; существует взаимодействие законодательных органов власти с гражданским обществом, которое не приемлет строительных мероприятий, нарушающих целостность городской среды, вносящих диссонанс в застройку города. Система ограничений касается как планировочной структуры селитебных территорий, так и параметров строительства отдельных зданий. Эти ограничения на законодательном уровне сдерживают стремление застройщиков выжать максимальную прибыль из осваиваемых участков. Решение данных проблем позволяет развивать города с характерными идентификационными признаками.

Проведенное натурное обследование показало, что создание гармоничной архитектурной среды требует соблюдения определенных принципов, таких как сохранение традиций застройки городской среды, сложившейся плотности; сохранение силуэта застройки улиц для идентификации городской среды; модульность городской застройки, использование традиционных параметров жилых зданий; сохранение архитектурных приемов, связанных с типологическими особенностями жилых зданий; определенное цветовое решение уличной застройки; использование характерных архитектурных деталей. Эти принципы позволяют сохранить сложившийся образ жизни населения, привычную городскую среду.

Ключевые слова: архитектурная среда исторического города, идентификация, принципы застройки, историческая застройка.

Perov F. V.

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TYPOLOGIES OF RESIDENTIAL AND PUBLIC BUILDINGS ACCORDING TO THE IDENTIFICATION FEATURES OF THE EXISTING URBAN ENVIRONMENT

Reflecting a general trend of construction modern residential and public buildings, it becomes apparent that the required system analysis, allowing to understanding the issues

related to the identification of the urban environment for living. To determine trends in the development of the typology of residential development should undertake to study of international practice, which would allow to conclusions about the approaches to design in cities with long tradition of evolutionary development. As an example, was taken experience in the design of historical cities of Italy, the country with huge cultural heritage, pay more attention to the delicate preservation of traditions of lifestyles, where practically solved two major issues. Developed legislation, which defines strict requirements for new construction in historic cities. The system of restrictions applies to both the planning structure of residential areas and construction of individual buildings. These restrictions on the legislative level to restrain the desire of developers to squeeze maximum profit out of the developed sites. There is interaction of the legislature with civil society that does not accept construction activities that disrupt the integrity of the urban environment, making a dissonance in the building of the city. The solution of these issues allows us to develop the city with identification characteristics.

Conducted full-scale tests showed that the creation of a harmonious architectural environment requires adherence to the following principles: the preservation of the traditions of development of the urban environment, existing development density; the preservation of silhouette of street construction for the identification of the urban environment; modularity urban development; the traditional options of residential buildings; the preservation of architectural techniques related to the typological characteristics of residential buildings; the use of specific color decision street building; the use of characteristic architectural details. These principles are allow to preserve the existing lifestyle of the population, the usual urban environment.

Keywords: *architectural environment of the historical city, identification, building regulations, principles of building, historical buildings.*

Практика проектирования городской среды, сложившаяся в новых районах Санкт-Петербурга, по многим признакам не может соответствовать потребностям населения. Здесь люди не чувствуют среду своего проживания как комфортную, отражающую их идентификацию с «малой родиной». В целом это «нечеловеческая» среда. Девелоперы стремятся выжать максимум из предоставленного участка, из-за их корыстного интереса возникают здания по 16–25 этажей с огромными пустующими или отданными под парковки пространствами. Дома с башенками, ротондами и «коттеджами» на последних этажах нелепы и смешны, особенно созданные разными «авторами». Неуютные, бесхозные двory становятся местом, откуда хочется быстрее уйти. Чувству собственника у жильцов «высоток» негде сформироваться. Отсюда – проблемы, которые возникают в дальнейшем с психологией горожан, их менталитетом.

Осмысливая общую тенденцию строительства современных жилых зданий, становится ясной необходимость системного анализа, позволяющего разобраться в вопросах, связанных с идентификацией городской среды для проживающих в ней людей.

Проведенное исследование позволило привести примеры из международной практики и сделать выводы о подходах к проектированию в городах, имеющих многолетнюю традицию эволюционного развития.

В качестве примера был взят опыт проектирования исторических городов Италии – страны с огромным культурным наследием, уделяющей большое внимание деликатному сохранению традиций образа жизни населения, где практически решены две основные проблемы: отработано законодательство, которое определяет жесткие требования к новому строительству в исторических городах. Система ограничений касается как планировочной структуры селитебных территорий, так и параметров строительства отдельных зданий. Эти ограничения на законодательном уровне сдерживают стремление застройщиков выжать максимальную прибыль из осваиваемых участков; существует взаимодействие законодательных органов власти с гражданским обществом, которое не приемлет строительных мероприятий, нарушающих целостность городской среды, вносящих диссонанс в застройку города [1]. Решение данных проблем позволяет развивать города с характерными идентификационными признаками.

Натурное обследование, проведенное во Флоренции, показало, что создание гармоничной архитектурной среды требует соблюдения следующих принципов.

1. Сохранение традиций застройки городской среды, сложившейся плотности застройки.

Опыт Флоренции показал тщательное отношение к разработке генеральных планов. При рассмотрении примера застройки нового района «Джованни Спадаolini» видно, что он тщательно вписан в историческую часть Флоренции, так, что на генеральном плане практически не выделяется из общего пятна города (рис. 1, 2). При разработке генеральных планов новых районов исторических

городов Италии сохраняются следующие принципы: плотность застройки; квартальная застройка с сохранением уличного фронта; формирование кварталов с внутренними дворами, предназначенными для использования только проживающими здесь гражданами [2].

Важным фактором является сохранение модульности застройки, которая выражается в сохранении «шага» прокладки жилых улиц, их исторического профиля и размеров квартала. Жители привыкли к масштабу исторического города и, при соблюдении необходимых санитарно-гигиенических требований, изменение этого масштаба не приветствуется.

Рис. 1. Генеральный план застройки района «Джованни Спадаolini». Флоренция

Рис. 2. Аксонометрия новой части района «Джованни Спадаolini». Флоренция

Рис. 3. Исторический силуэт городских улиц Флоренции

2. Сохранение силуэта застройки улиц как признака идентификации городской среды.

Силуэт застройки улиц является идентификационным признаком. Каждый город имеет свою «небесную линию». Во Флоренции выступы карнизов с использованием деревянных стропил применялись с времен Средневековья, пережили период Возрождения. Использование данного конструктивного и архитектурного приема сохраняется до сих пор, он актуален как средство защиты от солнца – летом, от дождя – осенью и весной, важен для города, так как продолжает эффективно решать функциональные и эстетические задачи. В то же время технология создания выступов карнизов существенно модернизирована, применяются современные материалы и способы строительства (рис. 3, 4).

3. Модульность городской застройки, использование традиционных параметров жилых зданий.

Важным фактором идентификации городской среды является параметр «габариты уличного фасада жилого дома». Этот параметр формировался исторически, в соответствии с правилами продажи земельных участков и законами по их застройке и ис-

Рис. 4. Традиционный силуэт современных кварталов Флоренции

пользованию. Каждый исторический город имеет свой характерный параметр. Италия исторически была раздробленной страной, здесь не существовало единого закона по параметрам застройки участков для всех городов, поэтому каждый город имеет свое лицо. Принципы застройки участков и членение уличной застройки на фасады отдельных зданий является консервативным процессом и используется до настоящего времени (рис. 5, 6).

4. Сохранение архитектурных приемов, связанных с типологическими особенностями жилых зданий.

Типология жилых зданий в первую очередь связана с образом жизни граждан, особенностями быта и традициями. Ярким примером является застройка улиц традиционными зданиями учреждений торговли, крыши которых используются в качестве открытых террас с озелененными простран-

Рис. 5. Модульность застройки с членением на отдельные жилые здания. Набережная р. Арно, Флоренция

Рис. 6. Модульность современной застройки. Ул. Виченце Джобетти, Флоренция

Рис. 7. Жилой дом с террасной крышей над торговыми помещениями. Набережная р. Арно, Флоренция

Рис. 8. Дворец Питти с размещением жилых помещений вокруг дворцовой террасы

Рис. 9. Современная застройка ул. Квинтино Селлы во Флоренции

ствами и садами. Такой тип дома сложился в силу высокой плотности застройки и необходимости создания больших площадей для озеленения, отдыха. Потребность в этих функциях осталась, архитектурный прием оказался удачным и устойчивым (рис. 7, 8, 9).

Данный архитектурный прием является характерным не только для городской застройки, но использован и в дворцовом ансамбле Питти. Это подчеркивает полное соответствие приема образу жизни граждан города с его социальной и климатической спецификой.

5. Определенное цветовое решение уличной застройки.

Флоренция в течение многих столетий была республикой, где горожане имели права, которые не могли быть оспорены властью. Формирование общества, состоящего из личностей, требовало проявления характера и предпочтений человека. Индивидуальность

проявлялась при выборе цветового решения зданий и их деталей. Поэтому даже два стоящих рядом дома зачастую имеют разное цветовое решение. Создание цветного уличного фронта стало идентификационным признаком, который применяется и в современной архитектуре (рис. 10, 11).

Рис. 10. Цветовое решение исторической городской застройки. Флоренция

Рис.11. Цветовое решение современной городской застройки. Флоренция

Рис. 12. Детали современного жилого дома. Флоренция

6. Использование характерных архитектурных деталей.

Архитектурные детали отражают культуру конкретного народа, являются знаками, которые демонстрируют назначение здания, его национальную и временную принадлежность. Детали всегда подчеркивают годы постройки здания и не могут быть механически перенесены из одного периода в другой.

Есть определенная закономерность, связанная с идентификацией через использование архитектурных деталей. В этом плане архитектурная деталь является довольно консервативным элементом и средством идентификации городской среды (рис.12, 13).

Следование перечисленным выше принципам позволяет сохранить сложившийся образ жизни населения, привычную городскую среду.

Выявление современных тенденций развития типологии жилых и общественных зданий на основе примеров зарубежного опыта Италии показало необходимость глубокого анализа формирования архитектурной среды для определения основных принципов застройки, позволяющих сохранить или изменить идентификацию. Для дальнейшего развития города необходим комплексный индивидуальный подход к созданию среды, комфортной для проживания.

Рис. 13. Детали окон жилого дома постройки XIX века. Флоренция

Литература

1. Лимонов, Л. Э. Крупный город: регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии / Л. Э. Лимонов, науч. ред. О.П. Литовка. – СПб.: Наука, 2004. – 270 с.
2. Крашенинников, А. В. Градостроительное развитие жилой застройки: исследование опыта западных стран / А. В. Крашенинников. – М.: Архитектура-С, 2005, – 112 с., ил.

References

1. Limonov, L. E. Krupnyi gorod: regulirovanie territorial'nogo razvitiya i investitsionnye strategii / L. E. Limonov. Nauch. red. O.P. Litovka. SPb.: Nauka, 2004. - 270 p.
2. Krasheninnikov, A. V. Urban development residential development: study of the Western experience / A. V. Krasheninnikov. Moscow: Architecture-C, 2005, - 112 p., Fig.

Перов Ф. В.,

кандидат архитектуры, доцент, заведующий кафедрой архитектурного проектирования Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ), г. Санкт-Петербург. E-mail f.perov@gmail.com

Perov F. V.

PhD in architecture, docent, head of chair of architectural design of St/Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg. E-mail f.perov@gmail.com

Поступила в редакцию 20.10.2015

Шабалина Н. М.

НАПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНСТИТУЦИИ В XX ВЕКЕ

В статье выявлены основные структуры и направления общественных институций, принимавших участие в закреплении художественных традиций Южно-Уральского региона. С идеи создания единого творческого союза по отраслям культуры в Советской России начинался длительный период «художественной стабильности», охвативший несколько десятилетий XX века. Открытие Челябинского отделения Союза художников (1934 год) и образование в его структуре Художественного фонда Союза ССР (1940 год) с производственной базой для мастеров декоративно-прикладного искусства, формирование местного отделения Союза архитекторов (1935 год), регулярное проведение отчетных зональных выставок «Урал – Сибирь» (с 1959 года), музеи и образовательные центры, творческие и деловые контакты уральцев с головными предприятиями России, создание Челябинского отделения Союза дизайнеров России (1991 год) – в комплексе способствовали координации и развитию в регионе деятельности художественных производств, прикладного искусства и дизайна.

В 1950-е годы со стороны государства усилилось внимание к качеству художественной продукции, разрабатывались и утверждались стандарты. С периода 1960-х годов в России начинается осмысление профессии художника-конструктора и ее трансляции в плоскость дизайна – промышленного предметного художественного конструирования. Искусство в XX веке обретает формы «массовости» не только за счет тиражирования изделий, но и с помощью выставочной, экспозиционно-передвижной деятельности, средств массовой информации. Период 1970-х годов характеризуется общей тенденцией нивелировать разницу между выставочным промышленным образцом и его воспроизведением в тираже. Массовые изделия по своему художественно-эстетическому качеству подтягивались до эталонного уровня. Руководящие структуры уральских художественных производств (Каслинского чугунного литья, южноуральского фарфора, Карталинского ковроделия) поощряли программы по взаимодействию с образовательными учреждениями, ведущими подготовку специалистов для различных отраслей. В 1980-е годы в области художественной промышленности усиливались поиски функциональных, эстетических качеств новых предметных форм. В целом повышение роли региональных институций соответствовало общероссийскому курсу развития традиционных художественных центров.

Ключевые слов: художественная институция, Уральский регион, предметные искусства, дизайн.

Shabalina N. M.

TOWARDS REGIONAL ART INSTITUTIONS IN THE XX CENTURY

The article reveals the basic structure and the direction of public institutions participating in the consolidation of the artistic traditions of the South Ural region. With the idea of creating a single creative union industry culture in Soviet Russia began a long period of “artistic stability”, spanned several decades of the XX century. Opening of the Chelyabinsk branch of the Union of Artists (1934 year), and education in its structure of the Art Fund of the USSR (1940 year), with a production base for the masters of arts and

crafts, the formation of the local branch of the Union of Architects (1935 year), regular reporting zonal exhibitions "Ural – Siberia" (since 1959 year), museums and educational centers, creative and business contacts with the head Urals enterprises of Russia, the creation of the Chelyabinsk branch of the Union of Designers of Russia (1991 year) – in the complex coordination and contributed to the development of art in the region of production, applied arts and design.

In the 1950-s, the state has increased attention to the quality of artistic production, develop and approve standards. From the period of the 1960-s in Russia starts understanding the profession of artist-designer and its translation into the plane of design – industrial design object art. Art in the XX century takes the form of popular culture, only by the replication products, but also through the exhibition, exposition and mobile activities of the media. The period of the 1970-s is characterized by a general tendency to neutralize the difference between the exhibition industry sample and playing it in circulation. Bulk products in its artistic and aesthetic quality moved up to the reference level. The governing structure of the Urals artistic productions (Kasli iron castings, South Ural porcelain, carpet Kartli) promote programs for cooperation with educational institutions, training specialists for various industries. In the 1980-s in the art industry intensified the search for functional and aesthetic qualities of the new material forms. In general, increasing the role of regional institutions in line with the all-Russian course of development of traditional art centers.

Keywords: *art institutions, the Ural region, applied art.*

После официального объявления и утверждения в 1934 году в условиях Советской России идеи создания единого творческого союза по отраслям культуры в стране начался длительный период «художественной стабильности», охвативший несколько десятилетий XX века. В регионах России целенаправленно стали открываться местные отделения Союза художников, включавшие различные секции по видам искусства. Структура творческой организации закрепилась посредством образования в 1940 году при Союзе художников Художественного фонда Союза ССР [1]. Художественный фонд имел свою производственную базу. Мастера прикладного искусства, например, занимавшиеся керамикой, имели возможность организовать место под устройство крупногабаритной электропечи для обжига керамических изделий и отдельные творческие мастерские.

В 1950-е годы со стороны государства усилилось внимание к качеству, «долговечности» выпускаемых товаров, в том числе художественной продукции, о чем также свидетельствует ряд постановлений [2]. В 1955 году в Ленинградском филиале Государственного исследовательского проектного института № 4 (ГИПИ-4) создали специальную лабораторию по художественным краскам, лакам, маслам и растворителям. Для систематического наблюдения за качеством материалов, применяемых в живопи-

си, художественной промышленности, было решено создать Экспертно-художественный совет из представителей Министерства культуры СССР, Министерства химической промышленности и Академии художеств СССР. Местные региональные заводские лаборатории тесно контактировали с головными структурами.

Результатом целенаправленной общественной деятельности явилось открытие в Москве в 1959 году Выставки достижений народного хозяйства СССР, на которой предполагалось регулярно демонстрировать достижения отечественных отраслей промышленности, науки, техники, культуры. Единая постоянно действующая всесоюзная выставка способствовала развитию курса страны, ориентированного на освоение новой техники и внедрения ее в промышленность. С этой целью проводились различные отраслевые смотры, тематические выставки, и на их базе – повышение квалификации российских специалистов различных отраслей экономики и культуры. Безусловно, выставка как своеобразный общественный институт ставила перед собой просветительские цели и задачи, способствовавшие распространению передового опыта советского производства. Успешное функционирование выставки призвано было отражать уровень растущего, как тогда виделось, материального благосостояния и повышение культурно-эстетического уровня советского народа. Уральцы положительно

зарекомендовали себя на подобных мероприятиях всесоюзного значения. Успешно демонстрировали художественные изделия Каслинский и Кусинский машиностроительные заводы, Южноуральский фарфоровый завод, Карталинское предприятие народных промыслов.

В 1960-е годы закрепляются общественные процессы, направленные на повышение имиджа советской промышленной продукции. В этот период происходит ликвидация артелей промысловой кооперации и передача ее, как считалось тогда целесообразным, в соответствующие государственные отраслевые структуры [3]. Производители осознавали важность вопроса повышения конкурентоспособности советских товаров на мировом рынке. Внимание технологов и художников было направлено на улучшение внешних эстетических характеристик выпускаемой продукции, что совпадало с мировыми тенденциями времени. В 1962 году выходит известное постановление Совета Министров СССР «Об улучшении качества продукции машиностроения и товаров культурно-бытового назначения путем внедрения методов художественного конструирования», закрепившее позиции художника-конструктора (дизайнера) на производстве. Данное постановление способствовало открытию в Москве Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ) с филиалами в отдельных регионах СССР. В 1964 году в Свердловске было открыто отделение ВНИИТЭ, чей опыт работы распространился на весь обширный регион Урала. Специализированный институт технической эстетики способствовал укреплению позиций промышленного искусства и дизайна в стране. Учреждение изначально получило интегрированный статус научно-исследовательского и проектно-экспериментального института, учебно-методического и информационного центра в области дизайна.

С периода 1960-х в России начинается осмысление профессии художника-конструктора и ее трансляции в плоскость дизайна – промышленного предметного художественного конструирования. Однако в области художественной промышленности в предстоящие десятилетия XX столетия по-прежнему будут востребованы профессии художника-прикладника, живописца, скульптора – универсального «художника завода». Законодательная политика СССР параллельно художественному конструированию обращала внимание на актуальные вопросы дальнейшего

развития изобразительного искусства, к области которого по-прежнему причисляли декоративно-прикладное искусство. К сожалению, под общепринятым (и в том числе в науке) термином «изобразительное искусство» по инерции подразумевались не только виды изобразительного, но и неизобразительного/архитектонического искусства. Последовал ряд постановлений правительства о мерах по дальнейшему улучшению материальных условий для развития изобразительного искусства в РСФСР, разрешающих проведение в Москве, с периодичностью один раз в три года, республиканской художественной выставки «Советская Россия» [4]. Этому мероприятию предшествовала организация на местах так называемых зональных выставок живописи, скульптуры, графики, монументального, театрально-декорационного и декоративно-прикладного искусства. На Урале зональные выставки проходили начиная с 1959 года в различных городах с периодичностью один раз в четыре года. На определенных территориях Уральского региона формировались приоритеты в развитии отдельных областей декоративно-прикладного искусства. На Среднем Урале в Свердловске/Екатеринбурге исторически сложилась школа мастеров ювелирного, камнерезного и медальерного искусств, в регионе Северного Урала, в Перми, традиционно была сильна школа камнерезов, гобеленового искусства, в городах Южного Урала: Златоуст, Касли, Куса, Нязепетровск – традиционно развивалась область декоративной обработки металла, в Челябинске – керамическое производство. Со временем область художественной обработки материалов декоративного искусства расширилась, увеличился состав художников-прикладников некогда немногочисленной секции декоративно-прикладного искусства при Челябинском отделении Союза художников (действующей со второй половине 1960-х годов), в которую вошли не только художники-станковисты (А. П. Кудрявцев, В. Ф. Тайницкий, В. В. Тютюнник, Б. И. Тряпичин), но и художники-производители (А. С. Гилев, С. П. Манаенков, В. В. Орлов, С. А. Федяев, И. В. Бесчастнов, В. П. Игнатев, О. А. Игнатьева, О. А. Скачков и др.).

Искусство в XX веке обретает формы «массовости» не только с помощью выставочной, экспозиционно-передвижной деятельности, средств массовой информации, но и такой общедоступной, популярной в СССР рекламы, как проведение акции «Художественная лотерея» – «в целях популяризации и широкого распространения сре-

ди трудящихся произведений советского изобразительного искусства» [5]. В стране расширялось строительство художественно-производственных мастерских в структуре Художественного фонда РСФСР (за период с 1963 по 1965 год по стране было запланировано построить 30 мастерских и 6 домов творчества художников). Соответствующим постановлением была разрешена организация мастерских в жилом фонде, а также предусматривалось открытие специализированных салонов по реализации произведений искусства. Действия государственных органов способствовали материальному подержанию творчества художников различной области деятельности, с одной стороны, и просвещению и воспитанию масс, с другой.

В данный период большое внимание отводилось проблеме стандартизации как показателя качества выпускаемой на производстве продукции [6]. В 1965–1967 годах поэтапно разрабатывались и утверждались стандарты на проектно-конструкторскую и технологическую документацию. Государственной задачей считалось поднять технико-экономические показатели продукции и довести их до уровня лучших мировых стандартов. В стране повышались требования стандартизации продукции, идущей на экспорт. Художники-производители наравне с художниками-станковистами принимали деятельное участие в общих мероприятиях государства. Художественные изделия Каслинского и Кусинского чугунного литья, произведения Златоустовской гравюры на стали и южноуральского фарфора являлись неизменными экспонентами различного уровня тематических выставок: областных, региональных, зональных, всероссийских, всесоюзных. Образцы изделий на основании Постановления 1965 года безвозмездно передавались государственным музеям. Крупные уральские художественно-промышленные центры, успешно зарекомендовавшие себя на родине, выходили на международные выставки и ярмарки. Постоянно действующую линию экспорта имел Каслинский машиностроительный завод, отправлявший различный ассортимент изделий в Америку, страны Европы и Восточноазиатского региона. В делах Каслинского машиностроительного завода постоянного хранения Областного государственного архива Челябинской области хранятся заказы-наряды на экспорт продукции периода с конца 1960-х по 1990 год [7]. Данные факты свидетельствуют о качественном показателе выпускаемой на Урале художественно-промышленной продукции,

ее широкой социальной и географической востребованности. Уральское художественное производство закономерно проецировалось на целостную структуру российской культуры.

Следующий период 1970-х годов характеризуется общей тенденцией нивелировать разницу между выставочным промышленным образцом массовой продукции и ее воспроизведением в тираже. Массовые изделия по своему художественно-эстетическому качеству подтягивались до эталонного уровня, а значит, повышалась исполнительская культура на конвейерном производстве. Данные процессы больше коснулись фарфоро-фаянсовой и ковровой промышленности. Проблемы технико-технологического аспекта существовали и в металлургическом производстве, где отмечались элементы отступа от традиционных методов обработки чугуна в художественном литье. Но данный процесс происходил на фоне поиска состава сырья и ввода новых технологических приемов обработки металла. Если рассматривать художественную продукцию Южноуральского фарфорового завода в ряду фарфоро-фаянсовой промышленности РСФСР, то она по показателям технико-технологического качества, изготовлению продукции первого сорта уступала ведущим отечественным производителям: Первомайскому, Дмитровскому, Дулевскому, Конаковскому фарфоро-фаянсовым заводам. При этом Южноуральский завод, анализируя свои производственные просчеты, по большей части списывая их на неудовлетворительное качество сырья, поступавшего с сопредельных территорий украинских рудников и сибирских глиняных месторождений, – подтягивался до уровня головных отраслевых производств. Руководящие структуры уральских художественных производств поощряли программы по взаимодействию с образовательными учреждениями региона (Касли, Златоуст, Южноуральск, Свердловск, Челябинск), ведущими подготовку специалистов для различных отраслей.

В рекомендациях Всесоюзного совещания 1978 года по проблеме «Пути улучшения художественного оформления и ассортимента продукции фарфоро-фаянсовой промышленности» были отмечены специальные участки по выпуску высокохудожественных изделий на ряде российских заводов (Дулевском, Хайтинском, Богдановичском), среди которых был назван Южноуральский, что говорит о широких потенциальных возможностях предприятия [8]. С целью совершен-

ствования функциональных, конструктивно-технологических, потребительских качеств предметных форм на Южноуральском фарфоровом заводе Художественная лаборатория была реорганизована в Экспериментальный отдел, позднее в Бюро по разработке новых форм и рисунков. Повышение роли местных региональных институций соответствовало общероссийскому курсу развития народных художественных промыслов [9].

Период 1970-х годов в художественном производстве отмечался ориентацией на проведение мероприятий, направленных на улучшение технического переоснащения производства, причем использовались опыт и знания не только отечественных производителей, но и зарубежных. Так, в производстве применялся фотомеханический метод цветоделения по опыту старейшей немецкой фарфоровой промышленности. Модернизация индустриальных предприятий положительным образом сказалась на увеличении производственных показателей, также не могла не отразиться и на художественно-эстетическом уровне изготовления массовой продукции. Четко отработанные на конвейере способы декорирования фарфоровых изделий: нанесения трафаретной печати, штампа, деколи – соответствовали минималистскому художественному стилю эпохи. С другой стороны, единые процессы развития местной промышленности соотносились с направлениями организационных форм художественных промыслов.

Ключевым документом, законодательно закрепляющим роль и значение развития традиционных видов декоративно-прикладного искусства, стало Постановление Совмина РСФСР от 22.10.1975 № 570 «О развитии народных художественных промыслов в РСФСР» [10]. На художественных комбинатах создавались условия по расширению ассортимента изделий и значительному повышению их качества, восстановлению традиционных центров отдельных регионов. Предприятиям предписывалось устанавливать задания по освоению и выпуску новых видов изделий с привлечением к их разработке наиболее квалифицированных мастеров и художников, ежегодно организовывать смотры-конкурсы художественных изделий. Проведение данных мероприятий было нацелено на повышение роли художника и народного мастера на предприятиях и в целом уровня подготовки творческого состава, что, в свою очередь, приводило к организации или закреплению в центрах традиционных промыслов школы художественного мастер-

ства. На комбинатах художественной промышленности, где творческие группы и экспериментальные лаборатории уже функционировали, необходимо было их творчески развивать. В программном государственном документе также уделялось внимание расширению процесса привлечения народных мастеров к изготовлению художественных изделий на дому, помогать в организации доставки материалов и приемку готовых изделий, содействовать развитию традиционных промыслов. Начиная с 1976 года, в проектах планов развития народного хозяйства РСФСР государством предусматривались соответствующие объемы выпуска изделий художественных промыслов, утверждались задания по производству основных видов изделий.

В целом 1970-е годы в области художественной промышленности были отмечены следующими показателями: 1) увеличением объемов выпускаемой продукции; 2) продолжающимся процессом механизации и автоматизации производства; 3) расширением ассортимента с учетом потребительских интересов; 4) соответствием стилиевой направленности выпускаемых изделий общим тенденциям художественного развития с учетом национальных особенностей традиционных для Урала центров художественной промышленности.

В 1980-е годы в области тиражируемых художественных изделий усиливались поиски функциональных, конструктивно-технологических, потребительских качеств новых предметных форм. На Южноуральском фарфоровом заводе продолжались эксперименты с формами и росписями, с этой целью был организован Экспериментальный отдел. Мастера вносили разнообразие в предметное формообразование, в росписи тяготели к более живописной трактовке изобразительных мотивов. Выставочные художественные образцы промышленного производства этого периода отличали интенсивная живописность в росписи и скульптурность пластических объемов фарфоровых изделий (Н. Н. Калилов, А. Л. Панова, Е. А. Щетинкина).

Творческими поисками и экспериментами была отмечена деятельность художественного цеха Каслинского машиностроительного завода, возглавляемого С. П. Манаенковым [11]. Утрата традиционных способов верхнего покрытия художественных изделий привела мастеров к введению новых, но, к сожалению, не оправдавших себя рецептов декорирования поверхности чугунных изделий. По-прежнему сохранялся устойчивый спрос

на эффективную декоративную художественную пластику уральского чугунного литья не только внутри страны, но и за рубежом, о чем свидетельствуют большие поставки продукции, экспортируемые в Америку, Европу, страны Восточного региона.

Комбинаты ковроделия (Канашинский, Карталинский) более чем какие-либо другие производства устойчиво сохраняли организационные формы промыслового производства. Доля ручного труда в этом производстве была наибольшей. Оснащение производства техническими механизмами касалось прежде всего первоначального этапа обработки сырья (подготовки волокна к использованию в ткачестве) и на этапе завершения (например, механизмовались способы подстрижки ворса с готовой поверхности коврового изделия). В текстильном производстве наблюдалось четкое разделение труда (подготовка художником карты – технического рисунка ковровой композиции и перевода его в материал коллективом мастериц). В противоположность упрощенному разделенному труду на промышленном комбинате, в деятельности мастериц-надомниц сохранялась схема «целостного труда», которая предполагала самостоятельное выполнение всех процессов работы (иногда за исключением обработки сырья).

Уральские промысловые центры Канашинского и Карталинского ковроделия постепенно к середине XX века сложились в крупные художественные промышленные предприятия, продукцию которых можно было рассматривать в ряду известных российских ковроткацких производств (курского, воронежского, орловского, саратовского – Центральной части России; и тю-

менского, омского – в Сибири). В развитии новых прогрессивных форм промышленных предприятий большую роль сыграл московский Научно-исследовательский институт художественной промышленности, активно проводивший мероприятия по возрождению художественных традиций в различных регионах России, в том числе Урала [12]. Художники института, учитывая специфику местного народного искусства, исторический опыт обработки материала, разрабатывали и предлагали региональным художественным центрам образцы рисунков для массового производства.

Заключение

Закрепление общественных связей и отношений (потребитель – производитель) в сфере экономического и художественного производств потребовало институциональной организации, способной координировать, упорядочивать, развивать и направлять деятельность ведущих художественных центров. Социальные институты в области экономики и культуры непосредственно участвовали и продолжают участвовать в формировании национальной, территориальной идентичности, содействуют закреплению имиджа предприятия, продвижению отраслевой продукции на внутреннем и внешнем рынках, способствуют совершенствованию научно-технических знаний, формированию массового сознания и развитию эстетического вкуса потребителя. Челябинское отделение Союза дизайнеров России (1991 год), созданное уже в условиях постсоветского пространства, ориентировано на целевое развитие в регионе деятельности проектной художественной культуры.

Литература

1. Постановление СНК СССР от 04.02.1940 № 186 «Об образовании Художественного фонда Союза ССР» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
2. Постановление Совмина СССР от 28.10.1954 № 2282 «О мероприятиях по обеспечению долговечности произведений советского изобразительного искусства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
3. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20.07.1960 № 784 «О промысловой кооперации» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
4. Постановление Совмина РСФСР от 20.11.1962 № 1534 «О мерах по дальнейшему улучшению материальных условий для развития изобразительного искусства в РСФСР» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>

5. Постановление Совета Министров СССР от 21 июня 1962 г. № 635 «О проведении художественных лотерей» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
6. Постановление Совмина СССР от 11.01.1965 № 16 «Об улучшении работы по стандартизации в стране» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
7. Областной государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. 1611. Оп. 1. Д. 703.
8. Областной государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 556. Оп. 1 Д. 503. Л. 18.
9. Постановление Совмина СССР от 30.09.1966 № 794 «О мероприятиях по дальнейшему развитию местной промышленности и художественных промыслов» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
10. Постановление Совмина РСФСР от 22.10.1975 № 570 «О развитии народных художественных промыслов в РСФСР» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
11. Shabalina N. Modern Art of Traditional Ural Crafts // The Artistic Traditions of Non-European Cultures, vol. 2 / Edited by Bogna Lakomska. Polish Institute of World Art Studies & Tako Publishing House, Warsaw – Torun, 2012. – P. 113–120.
12. Шабалина Н. М. Институционализация как залог перспективного развития традиционных и новаторских форм художественной промышленности // Дизайн. Искусство. Промышленность: Международный сборник научных трудов. Выпуск I / отв. ред. канд. ист. наук Н. М. Шабалина. – Челябинск, 2012. – С.10–15.

References

1. Postanovlenie SNK SSSR ot 04.02.1940 № 186 «Ob obrazovanii Hudozhestvennogo fonda Sojuza SSR». [Decree SNK on 04.02.1940 № 186 «On Education of the Art Fund of the USSR»]. / Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. [Electronic resource]. - <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
2. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 28.10.1954 № 2282 «O meroprijatijah po obespecheniju dolgovechnosti proizvedenij sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva». [Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 28.10.1954 № 2282 «On measures to ensure the durability of the works of Soviet art.»]. / Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. [Electronic resource]. - <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
3. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 20.07.1960 № 784 «O promyslovoj kooperacii». [Resolution of the CPSU Central Committee, the Council of Ministers of the USSR from 20.07.1960 № 784 «On trade cooperation»]. / Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. [Electronic resource]. - <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
4. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 20.11.1962 № 1534 «O merah po dal'nejshemu uluchsheniju material'nyh uslovij dlja razvitija izobrazitel'nogo iskusstva v RSFSR». [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 20.11.1962 № 1534 «On measures to further improve the material conditions for the development of fine arts in the Russian Federation»]. / Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. [Electronic resource].- <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
5. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 21 ijunja 1962 g. № 635 «O provedenii hudozhestvennyh loterej». [Resolution of the Council of Ministers dated 21 June 1962 № 635 «On conducting lotteries art»]. /Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. [Electronic resource].- <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>

6. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 11.01.1965 № 16 «Ob uluchshenii raboty po standartizacii v strane». [Resolution of the Council of Ministers of the USSR from 11.01.1965 № 16 «On the improvement of the standardization work in the country»]. /Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. [Electronic resource]. - <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
7. Oblastnoj gosudarstvennyj arhiv Cheljabinskoj oblasti (OGACHO). [Regional State Archive of Chelyabinsk Region]. F. 1611. Op. 1. D. 703.
8. Oblastnoj gosudarstvennyj arhiv Cheljabinskoj oblasti (OGACHO). [Regional State Archive of Chelyabinsk Region]. F. 556. Op. 1. D. 503. L. 18.
9. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 30.09.1966 № 794 «O meroprijatijah po dal'nejshemu razvitiju mestnoj promyshlennosti i hudozhestvennyh promyslov». [Resolution of the Council of Ministers of the USSR from 30.09.1966 № 794 «On measures for further development of local industry and crafts»] /Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. [Electronic resource]. - <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
10. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 22.10.1975 № 570 «O razvitii narodnyh hudozhestvennyh promyslov v RSFSR». [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 22.10.1975 № 570 «On the development of folk art in the RSFSR»] /Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. [Electronic resource]. - <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm>
11. Shabalina, N. Modern Art of Traditional Ural Crafts // The Artistic Traditions of Non-European Cultures, vol. 2 / Edited by Bogna Lakomska. Polish Institute of World Art Studies & Tako Publishing House, Warsaw – Torun, 2012. – P. 113–120.
12. Shabalina, N. M. Institucionalizacija kak zalog perspektivnogo razvitija tradicionnyh i novatorskih form hudozhestvennoj promyshlennosti. [Institutionalization as a Pledge of Future Development of Traditional and Innovative Forms of Art Industry] // Dizajn. Iskusstvo. Promyshlennost'. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov. Vypusk I, otvetstvennyj redaktor k.ist.n. N.M. Shabalina [Design. Art. Industry. The International collection of scientific papers. Issue I. Executive Editor Ph.D. N. M. Shabalina], Chelyabinsk, 2012. – P. 10–15.

Шабалина Н. М.,

кандидат исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск. E-mail: nat.shabalina@mail.ru

Shabalina N. M.

Ph.D. (in history), docent, South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: nat.shabalina@mail.ru

Поступила в редакцию 20.12.2015